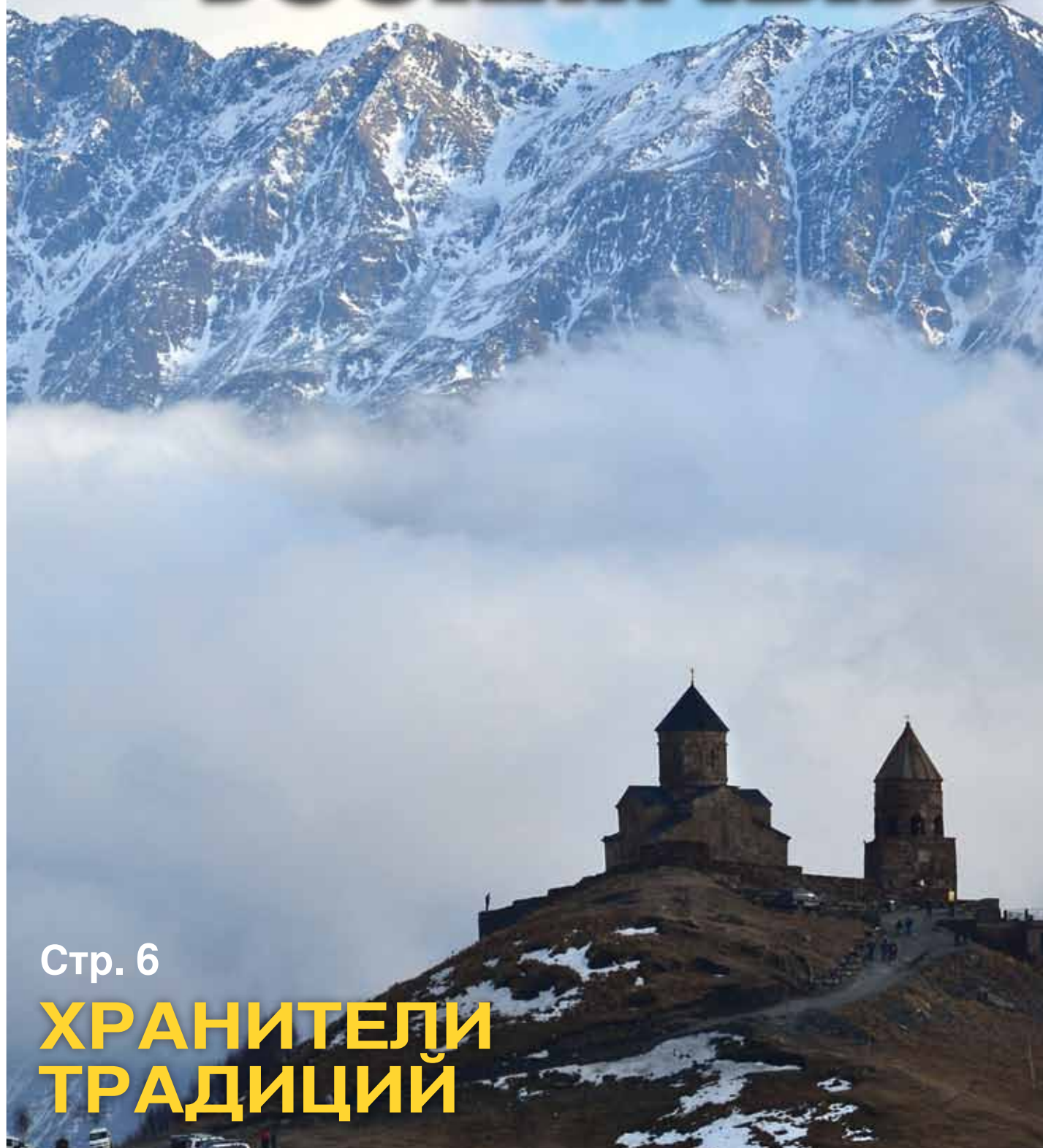

Т

№12
Декабрь 2018

УССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

**ХРАНИТЕЛИ
ТРАДИЦИЙ**

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12⁽¹⁵⁸⁾
Декабрь 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 14 «И ДЫШИТ ПОЧВА И СУДЬБА»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 ИСКУССТВО КУКОЛ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 30 «УВАЖАЮ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ!»
ИНГА БЕРИДЗЕ
- 35 ВЕТЕРОК КУЛЬТУРЫ С БЕРЕГОВ НЕВЫ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 38 «СВИДАНИЕ-КИНОРОМАН В ГРУЗИИ»
ЛЕВОН УЗУНЯН
- 41 ЮБИЛЕЙ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 42 МОДНИЦЫ ЛЮБЯТ НОВИЗНУ
АНАСТАСИЯ ЭРИСТАВИ
- 45 СВЕТ ПОНИМАНИЯ
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 48 ГОРОД
АНДРЕЙ БИТОВ

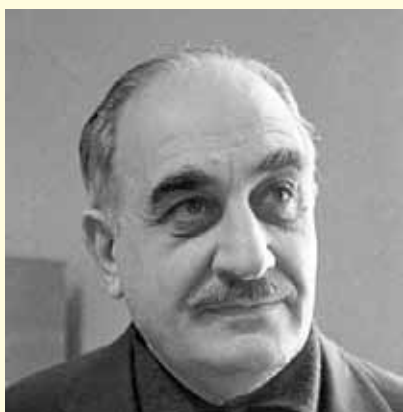
На обложке – Храм Гергетской Троицы
Фото: Александра Сватикова

ОТ ДО

— Роб АВАДЯЕВ

ЖУРАВЛИ МИХАИЛА КАЛАТОЗОВА

На черно-белом экране по перрону железнодорожного вокзала в праздничной толпе, наткаясь на встречных людей, под звуки духового оркестра бежала прекрасная девушка. Солдаты-победители вернулись домой. Не вернулся только ее возлюбленный, которого она ждала. Но не дождалась. Конец, зажегся свет. В зрительном зале полное молчание. Оно длилось бесконечно долго, а потом раздался взрыв аплодисментов такой силы, какого не слышали почтенные стены главной площадки каннского фестиваля 1958 года. Овации не стихали, и на сцену поднялись счастливые победители – советская съемочная группа фильма «Летят журавли», единственного в истории советского кино, завоевавшего Золотую Пальмовую ветвь. Зрители аплодировали нереально красивой и одухотворенной Татьяне Самойловой, потрясающему оператору-новатору Сергею Урусевскому и, конечно же, «виновнику» успеха – прекрасному режиссеру Михаилу Калатозову. Это была всемирная слава! А начиналось все 55 лет назад в теплом и щедром на таланты городе Тифлисе. Михаил

Константинович Калатошвили родился 28 декабря 1903 года. Его детство пришлось на непростое время, но мальчик вырос, выучился и стал зарабатывать с 14 лет, чтобы помочь семье. А ближе к двадцати годам решил заняться сверхмодной профессией кинематографиста и поступил в АО «Госкинопром Грузии», который станет Грузия-фильмом и который он возглавит десятилетием позже. А пока он работал монтажником, ассистентом кинооператора, потом кинооператором и даже актером у Ивана Перестиани. А вскорости состоялся его дебют как режиссера-постановщика документального фильма «Их царства», а потом критики и авторитетные мастера обратили внимание на его потрясающую работу «Соль Сванетии». Так молодой Калатозов оказался в Ленинграде аспирантом будущего ЛГИТМиКа. И только спустя годы снова был Тбилиси и ответственный пост директора Грузия-фильм. Но через пять лет Калатозов вернулся в режиссуру навстречу всеобщей, а после и мировой славе – сначала были «Мужество» и любимый народом «Валерий Чкалов», потом война и фронтовые съемки. А после войны «Заговор обреченных», «Вихри враждебные» и очаровательная комедия с песнями А. Галича «Верные друзья». И только потом пришло время гениального фильма «Летят журавли». Калатозова уважали за рубежом, ценили на родине, почитали руководители. Ему даже было позволено снять с мировыми знаменитостями – Клаудией Кардинале, Шоном Коннери и Питером Финчем приключенческий блокбастер о спасении экспедиции Умберто Нобиле «Красная палатка». В 1968 году Михаилу Константиновичу Калатозову было присвоено звание Народного артиста СССР. А во всех мировых энциклопедиях по киноискусству есть кадры кружащихся берез в сцене гибели главного героя «Журавлей».

НОСТРАДАМУС НАПРОРОЧИЛ

515 лет со дня рождения исполняется 14 декабря одному из самых спорных и противоречивых персонажей мировой истории. Был он простым врачом из семьи выкрестов в третьем поколении и родился вовсе не

в столицах, а в южной французской провинции – в Провансе. Университет, который он окончил, был древним и уважаемым, но даже полученная им докторская степень не дала ему возможности для солидной врачебной практики. Он специализировался на эпидемиологии и боролся с «черной смертью» – чумой. И боролся успешно. Молодой доктор по имени Мишель де Нотрдам, или после получения докторской степени Нострадамус, оказался смелым и умным врачом. Он утверждал, что создал чудодейственные таблетки из лепестков роз. Однако вера людей и, главное, убежденные им власти города, занявшиеся глобальной санитарией, остановили череду смертей в городе Экс-ан-Прованс. Его лечение немножко напоминало рецепты доктора из фильма Георгия Данелия «Не горюй» – «пфальциус, кальциус и приложи к ушибу подорожник». Шутки шутками, но людей он спас... только не успел спасти своих любимых, жену и детей. Его уважали, перед ним преклонялись, но, случилось, ему грозила всемогущая инквизиция, которой совсем не нравились успешные умники. Но все ядра летели на голову, заставляя пригнуться, но серьезно не рана. И тут случилось невероятное, у доктора Мишеля открылся дар провидца, и он написал самому королю запутанное письмо со смутными, но угрожающими пророчествами. Король внимания не обратил, а вот королева Екатерина Медичи озабочилась. Ей показалось, что она поняла угрозу королю и верно расшифровала: пронзенный сухим деревом глаз внутри золоченной клетки и гибель старого орла от молодого. Ее неверный супруг Генрих II, увлеченный прекрасной Дианой де

Пуатье, отмахнулся от болтовни провинциального лекаря. Но во время рыцарского турнира расщепленное копьё ударило в забрало золоченного шлема, щепка пробила глаз, и монарх умер в страшных мучениях. А на щитах короля и его соперника графа Монтгомери красовались орлы. Так-то. Вот и гадай, предвидение или случайность? После этого с Нострадамусом считались, его предсказаний побаивались и инквизиторы его не трогали. А он ежегодно публиковал катрены и центурии – пророчества на целые столетия вперед. Мир до сих пор гадает, что там зашифровано. Существует назидательная легенда из сравнительно недавних времен: знаменитый автор детективов и создатель образа великого сыщика Шерлока Холмса сэра Артур Конан Дойл решил подшутить над несколькими членами палаты общин с безупречной репутацией. Он им всем послал анонимную телеграмму: «Все раскрылось. Бегите». И представьте, той же ночью все они сбежали на континент. Казалось бы, при чем здесь наш герой? Да просто смысл люди, особенно если «рыльце в пушку», могут отыскать в любой галиматье. Люди искренне верят в самые немислимые и «мутные» пророчества. А Нострадамус был выдающимся пиарщиком, недурным психологом, не лишенным интуиции, и приличным литератором – ни одного слова «в простоте». Все размыто, со множеством непонятных аллегорий. И ему внимали даже сильные мира сего.

ОН СЛАВНЫЙ БЫЛ КОРОЛЬ!

В этом месяце исполняется 465 лет со дня рождения знаменитого французского короля – Доброго короля Анри, великого Генриха IV Бурбона. Он стал первым королем новой династии взамен угасшего рода Валуа, с которыми состоял в дальнем родстве. С его воцарением прекратились религиозные гражданские войны, обескровившие Францию, апофеозом которых была жуткая резня в Париже, названная Варфоломеевской ночью. Анри пережил погромы, бежал из заточения, воевал, был назначен наследником бездетным королем Генрихом III, затем одолел

последних противников и вошел в столицу с улыбкой, цинично заявив: «Париж стоит мессы». Для этого ему пришлось в очередной раз сменить свое гугенотство на католичество. Это был довольно беспринципный политик. Он менял за жизнь веру не менее шести раз, но при этом был добрым и человечным. Анри обнародовал Нантский эдикт, уравнивший в правах представителей обеих конфессий, что в итоге стоило ему жизни. Генрих IV был убит в толпе на улице Медников фанатиком-католиком. Между прочим, Нострадамус и ему напроорочил корону, когда для этого не было решительно никаких оснований. Он поймал десятилетнего принца и велел ему снять рубашку, чтобы осмотреть важные родинки. Маленький Анри вывернулся и, пока не поймали слуги, убежал от него, прятаясь на конюшне. Он посчитал вредного старика строгим учителем, который его непременно выпорот. Принцев воспитывали в строгости, если кто не знает...

ЛЮБИМЕЦ ФОРТУНЫ, КОТОРЫЙ УСПЕЛ ВСЕ

В самом конце XVI века в солнечном Неаполе родился один из самых талантливых скульпторов в истории – Джованни Лоренцо Бернини. Он был еще живописцем, архитектором, и механиком. В эпоху Ренессанса, особенно после Леонардо и Микеланджело, это мало кого удивляло. Джованни родился в семье скульптора и переехал с отцом в Рим в возрасте семи лет. Неудивительно, что такой наследственностью мальчишка избрал художественную стезю. Отец был приглашен работать в Ватикан и ежедневно брал

мальчика с собой. Представьте, несколько лет подросток провел в окружении шедевров папских коллекций. Работать с камнем он начал с десяти, в 14 лет изваял свою «Козу Амалтею», которую почему-то посчитали античной скульптурой, а Джованни Лоренцо посмеивался и не признавался. Шестнадцатилетним юношей он завершил абсолютно гениальное «Мученичество Святого Лаврентия». И практически сразу последовали «Похищение Прозерпины» и «Давид». Знатки и богатые заказчики поняли сразу – в Риме появился очередной гений. Из современников так не ваял никто. Юнец нахально заявлял: «Я лью мрамор, как воск». В 26 лет изваял целую скульптурную группу «Аполлон и Дафна». А еще за год до этого Папа вручил Джованни почетный орден Христа. Он был разносторонним человеком – скульптурные портреты, живопись и графика, шаржи на современников, ди-

зайн мебели и интерьеров. А еще он писал стихи и пьесы, которые сам ставил и оформлял, а также изобретал новые театральные сценические механизмы. Но одним из самых великих его творений стало украшение главного храма католического мира – собора Святого Петра вместе с гигантской площадью перед ним. Да и вообще, Рим должен быть благодарен своему гениальному зодчему – по его проектам было построено несколько прекрасных фонтанов и нарядных зданий. Работал он в Париже, подарив и этому городу частичку своего дара – фасад Лувра тоже работы Бернини, как и проект памятника Людовику XIV.

ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

Ключевые этапы истории Петербурга-Петрограда-Ленинграда первой половины двадцатого века можно обозначить тремя произведениями: романом «Петербург» Белого, поэмой «Двенадцать» Блока, Седьмой симфонией Шостаковича – и перед нами возникнут образы и картины Серебряного века, революционного хаоса, блокады. Грузинская колония этой поры дала яркую плеяду общественных деятелей, когорту ученых, инженеров, педагогов, юристов и, разумеется, всемирно прославившихся деятелей культуры и искусства. Отцы-основатели Тбилисского университета, начавшие свою научную деятельность в Петербурге, – историк Иванэ Джавахишвили, востоковед Георгий Ахвледиани, историк Шалва Нуцубидзе, психолог Дмитрий Узнадзе, лингвист Акакий Шанидзе, балетмейстер Джордж Баланчин, непревзойденный артист балета Вахтанг Чабукиани, искусствовед Иракий Андроников, режиссер Георгий Товстоногов и другие наши вы-

дающиеся соотечественники, связанные судьбой с городом на Неве, не нуждаются в представлении – о них написаны книги, диссертации, сняты фильмы. Рассказывать достойно о вкладе этих легендарных личностей в копилку истории в рамках обзорной статьи просто нереально. Отдадим же им дань памяти и отправимся в наше заключительное путешествие по Питеру, чтобы вспомнить других, может быть, не столь великих, но не менее ярких и достойных представителей грузинской диаспоры. Многие имена сохранились для потомков, благодаря записям добросовестных мемуаристов недавней эпохи, которую еще лет сорок назад можно было воссоздать по воспоминаниям живых очевидцев событий.

Заслуживает самых высоких похвал летописец грузинской колонии Петербурга – филолог и историк Михэил Горгидзе, автор уникальной в своем роде книги «Грузины в Петербурге», выпущенной издательством «Мерани» в 1976 году на рус-

ском языке. По словам знатоков истории Тбилиси, выход книги совпал с кончиной автора, потратившего на написание главного труда своей жизни несколько десятилетий. Книгу Горгидзе можно назвать одновременно и энциклопедией грузинской диаспоры, и научным исследованием. Написана книга увлекательным языком, Горгидзе удалось в лаконичной форме представить колоритные образы многочисленных персонажей, обозначить характерные черты исторических эпох от петровских времен до второй половины двадцатого века. Важно, что автор придерживается научного подхода в подаче материала, книга основана на фактах, выверенных взглядами исследователей и архивными документами. Мне довелось наблюдать, как Михэил Филиппович собирал материалы для книги. Он несколько раз приходил к моей бабушке, чтобы уточнить мельчайшие детали и сверить документы, в каких именно гимназиях и в какие годы преподавали в Петербурге

мой дед Валериан Андреевич Канделаки и его старший брат Виктор Андреевич. В результате в книге появилась страница выверенного текста о деятельности грузин на ниве образования. Сложно представить, каких трудов понадобилось Горгидзе, чтобы по крохам собрать материалы о грузинской элите и интеллигенции, о деятельности наших соотечественников в самых различных сферах общества. Преданность своей теме можно объяснить патриотическими чувствами, а также тем, что сам батони Михзил был петербургским студентом и активным членом грузинского землячества. С искренним душевным волнением автор вспоминает традиционный грузинский вечер в зале Дворянского собрания в январе 1913 года. Горгидзе пишет: «Автор этих строк хорошо помнит его, так как был одним из организаторов этого вечера и последовавшего за ним банкета. В начале второго отделения вдруг послышались аплодисменты, и в дверях зала появился убеленный сединами почтенный старец, наш знаменитый поэт Акакий Церетели, окруженный молодыми людьми. Мы, студенты, находящиеся за кулисами, сразу вышли на сцену вместе с артистами, весь зал поднялся на ноги, и все присутствующие, обернувшись лицом к вошедшему поэту, приветствовали его шумными аплодисментами, не стихавшими все то время, пока он не занял приготовленного для него кресла в первом ряду. Знаменитый оперный певец Собинов, уже выступивший в первом отделении, в знак уважения к поэту вновь вышел на сцену и спел в его честь восточный романс». Горгидзе приводит отрывок речи Акакия Церетели, произнесенной на банкете, устроенном после концерта: «Мы высоко ценим братство, единение и дружбу нашу с русским народом. Правда, среди русских есть и такие, которым не по душе наш братский союз, но зато есть молодая Россия, с

которой мы желаем идти рука об руку для осуществления не только национальных, но и общечеловеческих идеалов, тех идеалов, которые называются братством, единством, равенством».

Не менее увлекательно читать о том, как студенты принимали в скромной квартире студента Микэла Патаридзе Владимира Маяковского, пели с ним «Мравалжамизэр». А когда присутствующие Василий Каменский и Давид Бурлюк затянули «Дубинушку», «Маяковский, не желавший уступать им, спел своим мощным голосом грузинскую народную: «Мхолод шен эртс»... Вспоминает М. Горгидзе на страницах своей книги и о последнем вечерне-концерте грузинской колонии 15 января 1914 года, после начала Первой мировой войны вечера больше не устраивали. «Ответственным распорядителем вечера был член Государственной думы В.Л. Геловани. На вечере были исполнены произведения Д. Аракишвили и М. Баланчивадзе. выступили вокалисты Мариинского театра Г.П. Маркаров и А.Е. Догондзе и артист музыкальной драмы А.И. Мозжухин, а также виолончелист И. Абашидзе, танцовщица Н. Цицишвили и другие. Один из студентов исполнил лезгинку с кинжалами... Невзирая на отсутствие таких крупных «звезд» как Шаляпин и Собинов, публики было много и все разошлось под самыми приятными впечатлениями».

Вечера в Дворянском собрании отличались изысканностью – их постоянно оформлял «на общественных началах» Александр Шервашидзе, занимавший с 1907 года до 1918 года пост главного художника петербургских театров. В Мариинском, Александринском, Старинном театрах он создал декорации и нарисовал эскизы к костюмам примерно к 50 спектаклям. Александр Шервашидзе был не только большим художником, но и талантливым публицистом, его статьи регу-

лярно появлялись на страницах журналов «Мир искусства» и «Аполлон». Отцом живописца был младший брат последнего владетельного правителя Абхазии – Константин Шервашидзе, а матерью – пианистка-француженка Натали Данлуа. Первым серьезным наставником художника стал Василий Поленов, по его рекомендации Шервашидзе провел несколько лет в Париже, где брал уроки у знаменитого мэтра Фернана Кормона. После образования первой демократической республики в Грузии Александр Шервашидзе смог вернуться в Абхазию – ранее специальным императорским вердиктом представителям княжеского рода Шервашидзе запрещалось проживать на родине предков. В Сухуми Александр вместе с друзьями Н. Евреиновым, В. Каменским, и будущей супругой Натальей Бутковской активно участвовал в работе Сухумского артистического общества, открыл театральные курсы. Однако уже в 20-ом году он эмигрирует во Францию, где становится глав-

Александр Шервашидзе

ным художником-декоратором «Русского балета» Дягилева. В начале 40-х годов Александр переезжает в Монте-Карло. В 1946 году создает великолепные декорации и костюмы к балету «Шота Руставели», поставленному Сержем Лифарем. Премьера в Монте-Карло прошла с триумфом, и балет был поставлен на сценах Парижа и Лондона. В 1958 году Государственный музей искусств Грузии получил в дар от Александра Константиновича Шервашидзе (Чачба) личный архив художника, около 500 его работ, статьи, письма, театральные афиши и другие материалы. Художник не дожил всего три месяца до своего столетия, он скончался в 1967 году и был похоронен в Ницце на русском кладбище. В 1985 году его прах был перевезен в Сухуми.

Вернемся в Петербург довоенной поры, и шагнем в один из самых знаменитых салонов столицы, в котором царит прекрасная «Соломинка» – Саломея Николаевна Андроникашвили, в замужестве Андреева. Тэффи писала о ней: «Не писательница, не поэтесса, не актриса, не балерина и не певица: – сплошное „не“. Но она была признана самой интересной женщиной нашего круга. Была нашей мадам Рекамье, у которой, как известно, был один талант – она умела слушать. У Саломеи было два таланта – она умела любить, и говорить». Влюбленный в Соломинку Осип Мандельштам, посвящал ей стихи. Аветик Исаакян сказал о ней: «Женщины ее породы рождаются раз в столетие, когда не реже, нарочно для того, чтобы быть воспетыми и увековеченными». В доме у Саломеи Андреевой бывали Генрих Нейгауз, Сергей Прокофьев, Михаил Кузмин, Сергей Маковский, художники Василий Шухаев, Яковлев, Радлов. Анна Ахматова была ее подругой.

Родилась Соломинка в Тиф-

лисе в 1888 году и получила имя в честь святой Саломии мирноносицы. Отец – кахетинский князь Иван (Нико) Захарьевич Андроникашвили (1863-1944), был городским головой Батуми. Мать – Лидия Николаевна Плещеева-Муратова (1861-1953) приходилась внучатой племянницей поэту Алексею Плещееву. В 1906 г. Саломею выдали замуж за состоятельного купца и предпринимателя, вдовца с тремя детьми – Павла Семеновича Андреева. Только на пятом году замужества Саломея родила дочь Ирину. Отношения между супругами никак нельзя было назвать теплыми, в результате каждый стал жить своей жизнью. Переехав на съемную квартиру, Саломея, наконец, зажила сво-

бодно, засиживаясь в «Бродячей собаке» и принимая у себя богемную компанию. После революции Саломея Андроникашвили уехала из Петрограда. В 1917-1920 гг. она жила в Тифлисе и вместе с поэтами Сергеем Городецким и Сергеем Рафаловичем издавала литературно-поэтический ежемесячник «Орион». В ту пору была дружна с Савелием Сориним, Сергеем и Верой Судейкиными. Уехать за границу ей помог Зиновий Пешков (приемный сын Горького и родной брат Я. Свердлова), сотрудничавший с французским представительством в Грузии. В эмиграции Саломея обосновалась в Париже, вышла замуж за дипломата Гальперна. В годы Второй мировой войны провела в Нью-

3. Серебрякова. П-т Саломеи Андроникашвили (фрагмент)

Йорке, а ее дочь Ирина сражалась в рядах французского Сопротивления. После войны Саломея жила с мужем в Лондоне. Занималась благотворительностью, выпустила книгу кулинарных рецептов французской кухни, включив в нее два грузинских рецепта.

В 1965 году, в дни поездки Ахматовой в Лондон и Оксфорд, Саломею довелось встретиться с Анной Андреевной, которая подарила ей автограф своего стихотворения «Тень», написанном еще в 1940 и посвященном прекрасной Соломинке. В 1982 году лондонская «The Times» и русские зарубежные газеты сообщили, что 8 мая в Лондоне на 94-м году жизни скончалась Саломея Николаевна Андроникова, «последняя из самых блистательных женщин, которым довелось быть современницами расцвета Серебряного века русской поэзии. Саломея Андроникова была одной из самых известных красавиц той эпохи. Она славилась умом, обаятельностью, остроумием. В числе ее друзей были знаменитые русские поэты и художники того времени». Прах «Соломинки» был развеян над Трафальгарской площадью. Остались ее портреты кисти Кузьмы Петрова-Водкина, Бориса Григорьева, Василия Шухаева, Савелия Сорина, Константина Сомова, Сергея Чехонина. Свой портрет, написанный Зинаидой Серебряковой, Саломея Николаевна завещала Государственному музею искусств Грузии.

Одной из характерных черт жизни землячества начала двадцатого века была поддержка нуждающихся, в первую очередь, студентов. Особенно чутко откликался на нужды молодежи фактический председатель (официально этот пост занимал один из членов императорского дома) Российского общества Крас-

ного Креста генерал Иван Накашидзе, который не только помогал студентам материально, но и, пользуясь своими связями и авторитетом, неоднократно способствовал в получении казенной стипендии. Благодаря его поручительству было прекращено следствие о революционной деятельности курсистки Елены Кикодзе и студента Сергея Хундадзе. Выигравший в лотерею крупную сумму композитор Мелитон Баланчивадзе распределил часть средств между студентами, а также издал полное эпистолярное наследие своего любимого композитора М.Н. Глинки.

Многие обитатели питерских домов-колодцев, рабочих слободок, мрачных подворотен впервые открывали для себя чудо скрипичной музыки, благодаря блуждающему по огромному городу музыканту. Он был красив, экстравагантно одет – летом в шелковый кафтан, в холод в широкую накидку, из-под полов которой извлекал свою волшебную скрипку и начинал играть под окнами домов мелодии неслыханной красоты: «Серенаду» Шуберта, «Элегию» Массне, сюиту «Пергюнт» Грига, музыку Чайковского, Глинки, Баланчивадзе. Он быстро стал популярным, следом за ним ходили студенты, уличные мальчишки и люди, понимающие толк в музыке. О нем рассказывали всяческие небылицы. На самом деле скрипач был не кем иным, как окончившим в 1906 году Московскую консерваторию по классу скрипки, талантливым музыкантом Илико Курхули. И давал он концерты под открытым небом исключительно по доброй воле, считая своим долгом приобщить к классической музыке трудовой люд. «Хождение в народ» сделала Илико своего рода знаменитостью. Петербургские газеты посвящали ему статьи, меценаты уговаривали заняться концертной деятельностью, но скрипач с неиссякаемым вдохновением

продолжал играть во дворах. Наградой за концерт ему были монетки, летящие из распахнутых окон, его порой зазывали выпить чай в людской. Однако познакомившись с музыкантом поближе, хозяева распахивали перед ним двери гостиных. Несколько раз его забирали в полицейский участок, приняв за бродягу, но всегда с извинениями отпускали. Образованный, виртуозно игравший на скрипке, бандуре, дудуки, лире музыкант, обладавший к тому же красивым голосом, безропотно мирился с унижениями ради своей высокой цели. Исходив вдоль и поперек Петербург, он двинулся по просторам России. В 1913 году Курхули жил в Грузии, где занимался музыкальным просветительством вплоть до 1921 года. Затем шесть лет путешествовал по Европе, от Босфора до Парижа. Он обошел Балканы, в Софии на болгарском языке издал книгу о грузинской народной песне. В 1927 году Илья Курхули вернулся, теперь уже окончательно, в Тбилиси. До конца жизни он выступал с профессиональными концертами и лекциями на улицах, в учебных заведениях, клубах и дворах города.

Грузинские студенты активно участвовали в политической жизни Петербурга. Одним из их кумиров молодежи был Ираклий Церетели. Спустя полвека одна из бывших курсисток так вспоминала о заседании в Таврическом: «Церетели говорил, это была музыка. Мы получали подлинное эстетическое наслаждение. И вдруг, кто-то картавым, резким голосом перебил его, выкрикнув: «Есть такая партия!». Мы были шокированы». Знаменитая стычка между председателем Петровета, меньшевиком Церетели и Лениным произошла 4 (17) июня на I съезде Советов, когда на заявление Церетели: «...в России нет политической партии, которая говорила бы:

Ираклий Церетели

дайте в наши руки власть...», Ленин ответил: «Есть такая партия!». Советская пропаганда трактовала эту фразу Ленина как поворотный момент в борьбе большевиков за власть. Естественно, роль меньшевиков в истории революции советская пропаганда оценивала негативно. Между тем личность Ираклия Церетели заслуживает совсем иной оценки. Он был сыном выдающегося писателя Георгия Церетели и Олимпиады Николадзе (сестры Николады Николадзе). В первый раз был сослан в Сибирь за участие в студенческих волнениях. Во второй – по обвинению в подготовке государственного переворота после разгона в 1907 году Второй Думы, в которой Церетели являлся председателем социал-демократической фракции и был членом аграрной комиссии Думы. После Февральской революции он вернулся в Петроград и вошел в состав исполкома Петроградского Совета. К этому времени Церетели определился как «революционный оборонец», считая необходимым прекратить войну усилиями социалистов всех воюющих странах. Он выступал за объединение

всех социал-демократов на общей платформе. К Октябрьской революции Ираклий Церетели отнесся отрицательно. «Совершается разделение России на два непримиримых лагеря, линия гражданской войны прошла через сердце демократии», – заявил политик с трибуны Учредительного Собрания. После роспуска Учредительного Собрания уехал в Грузию, где стал одним из лидеров независимой Грузинской Демократической республики и Социал-демократической партии. В 1919 году был представителем Грузии на Парижской (Версальской) конференции. Политику пришлось эмигрировать после падения Грузинской республики. В начале 30-х годов он окончил юридический факультет Сорбонны, занимался частной юридической практикой сначала во Франции, а с 1940 года – в США. Был представителем грузинских социал-демократов в изгнании на многих международных форумах, являлся членом исполкома II Интернационала. Скончался в Нью-Йорке 21 мая 1959 года. Церетели похоронен на кладбище Левиль-Сюр-Орж под Парижем, где покоятся представители грузинской политической эмиграции 1921 года.

На роль героя бестселлера времен революции как никто другой подходит Иван Дмитриевич Ратишвили, на долю которого выпали и фронтовые будни, и беспредельно смелые поступки в дни Октябрьского переворота, в полной мере проявившие его доблесть и безупречное благородство. В последние годы о единственном царском генерале, заслужившем от большевиков обращения: «Товарищ князь» вновь заговорили (см. статью В. Головина в номере 4.2018 г. журнала «Русский клуб»). Мы же напомним, что помощник начальника дворцового управления и полицмейстер Зимнего дворца Иван Ратишвили

спас государственные сокровища во время штурма Зимнего дворца в 1917 году. Он приказал своим гвардейцам эвакуировать императорские сокровища в более безопасные части дворца и направил охранять их своего 16-летнего сына Дмитрия вместе с двумя надежными гренадерами. Среди укрытых сокровищ находился царский скипетр, украшенный знаменитым бриллиантом «Орлов». Затем Иван Ратиев провел переговоры с Владимиром Антоновым-Овсеенко, который руководил штурмом Зимнего дворца, и убедил того спасти дворец от разграбления и разрушения. Советское руководство публично выразило благодарность князю И. Д. Ратиеву на страницах газеты «Известия» (от 5 ноября 1917 года) за «самоотверженный труд по защите и сохранению народных сокровищ» и назначило его главным комендантом Зимнего дворца и всех государственных музеев и дворцов Петроградского района. В марте 1919 года князь Иван Ратиев сопровождал «золотой эшелон», поезд с золотым запасом, отправленный из Петрограда в Москву. На Ратиева оказывали давление, требуя остановить эшелон. В Твери поезд был обстрелян. Но генерал выполнил смертельно опасную миссию и довез золотой запас до новой столицы.

Академику Иосифу Абгаровичу Орбели выпала трудная доля – он возглавлял Эрмитаж в годы, когда правительство методически разоряло уникальное собрание ценностей, продавая шедевры Эрмитажа за рубеж. Когда под угрозой продажи оказалась уникальная коллекция иранского серебра, Иосиф Орбели, в те годы бывший хранителем отделения мусульманского Средневековья, написал письмо Сталину. И получил ответ: «Уважаемый товарищ Орбели! Проверка показала, что заявки «Антиквариата»

не обоснованы. В связи с этим соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг и его экспортные органы не трогать сектор Востока Эрмитажа. Думаю, что можно считать вопрос исчерпанным».

Охранная грамота не касалась живописи – Эрмитаж лишился наиболее ценных картин мастеров Высокого Возрождения. Орбели, встав на защиту восточных сокровищ, поступил как настоящий ученый. Археолог и историк, академик АН СССР и первый президент АН Армянской ССР Иосиф Орбели является нашим земляком – он родился в 1887 году в Кутаиси, в армянской семье священника Абгара Орбели и княжны Варвары Аргутинской-Долгорукой. После окончания гимназии в Тифлисе отправился в Петербург, где окончил историко-филологический факультет восточных языков Петербургского университета. С 1934 года по

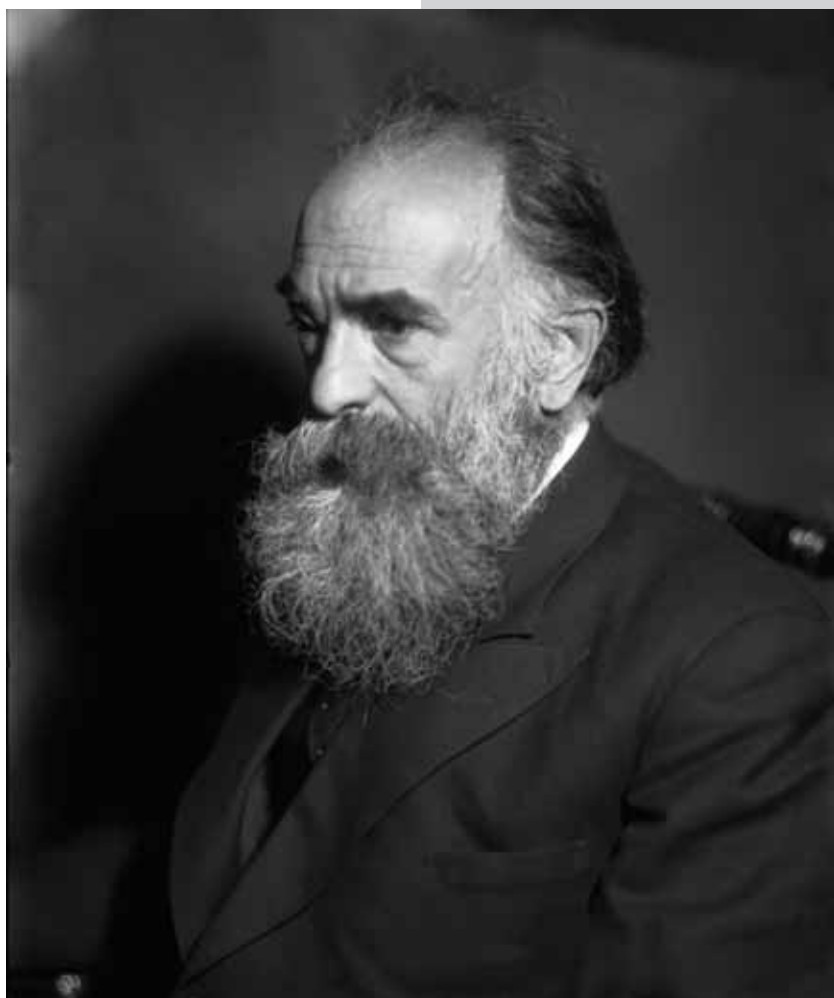
1951 год – директор Государственного Эрмитажа. В 1941-1942 годах руководил охраной и эвакуацией Эрмитажа и ленинградских учреждений Академии наук СССР. В 1944 году участвовал в работах Чрезвычайной комиссии по обследованию ленинградских пригородных дворцов с целью установления ущерба, нанесенного фашистами, а также участвовал в работах по восстановлению Зимнего дворца и экспозиций Эрмитажа. Иосиф Орбели, ученик Нико Марра, со студенческих лет принимал участие в археологических раскопках на территории Армении и Турции. Ряд работ Орбели посвящен средневековой культуре, армянской эпиграфике, народному эпосу, курдскому языку, архитектуре Грузии и Армении. Орбели вел большую педагогическую работу и создал школу советских кавказоведов, для которой характерно сочетание

работы в области материальной культуры и филологии.

Петербург начала прошлого века невозможно представить без декадентской мадонны Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, которые познакомились в Боржоми и обвенчались в Тбилиси. Без «молодого грузина» – Осипа Манделштама, получившего такое прозвище в кругу близких друзей за импульсивность и эмоциональность. И в те годы Грузия для деятелей культуры России была близкой и любимой страной.

Плеяда выдающихся ученых, петербургских грузин, создавших сто лет назад в Тбилиси первый в Закавказье государственный университет, покинула Петербург ради служения родине. Отцы-основатели ТГУ стали основоположниками различных национальных научных школ – языковедения, физики, биологии, математики, разных отраслей медицины в Грузии. Но и в бывшей столице, теперь уже Ленинграде, в 20-30-х годах прошлого века грузины продолжали играть видную роль в культурной жизни. Выпускник историко-филологического факультета Ленинградского университета и словесного отделения Института истории искусств Ираклий Андроников в середине двадцатых годов начал писать научные труды о Лермонтове и выступать в филармонии с устными рассказами, которые впоследствии сделали его знаменитым. Идут годы, но по-прежнему Ираклий Андроников считается непревзойденным мастером уникального жанра – устного рассказа. На прославленной сцене Кировского театра (бывшего Мариинского) воцаряется Вахтанг Чабукиани, который и в наши дни считается артистом балета номер один в мировом масштабе. С середины 50-х под руководством Георгия Товстоногова восходит звезда Большого драматического те-

Иосиф Орбели

Нина Джавахишвили

атра в Ленинграде. Заметим, что другому нашему соотечественнику, режиссеру Темуру Чхеидзе впоследствии удалось удержать высочайшую планку этого прославленного театра.

Последний штрих к Серебряному веку. Назовите самую известную грузинку той поры. В начале века альтернативы не было, разумеется, – княжна Джавахова. Отчаянная и добрая девочка – героиня книг Лидии Чарской – Нина Джавахова была неизменной спутницей детей начала века. Мне посчастливилось быть близко знакомой с замечательной личностью Ниной Христофоровной Джавахишвили. Ее ближайшие родственники, представители родов Джавахишвили и Эристави, занимали видные посты в Петербурге. О своем же столичном детстве она всегда вспоминала с улыбкой – подружки-гимназистки восторженно вскрикивали при знаком-

стве с ней: «Ты – Нина?! Джавахова! Неужели та самая!». Есть люди, которым по складу души, интеллигентности и образованности предначертано быть хранителями культурных традиций. Именно к такой категории относились и Нина Христофоровна Джавахишвили, ее дочь Гульнара Шалвовна Джапаридзе и их близкая родственница Александра Александровна Пурцеладзе (1922-2005 гг.) – литературовед, доцент Петербургской академии театрального искусства (бывшего ЛГИТМиКа). Один из учеников так отзывался о Шурочке Пурцеладзе: «Стиль, изысканность, культура речи. Как у Пушкина – «она сохранила много тогдашней приятности». Она и там – в Серебряном веке, и здесь». Благодаря усилиям Александры Пурцеладзе, композитора Андрея Петрова и концертмейстера Михаила Аптекмана город получил праздник романса «Петербургская осень».

Приезжая к родным в Тбилиси, Шурочка неизменно читала общественную лекцию в зале какого-нибудь Дома культуры, потому что обычная квартира не могла вместить всех ее поклонников. При всей занятости она была на редкость общительной и простой, легкой на подъем, постоянно окруженной людьми. Была дружна со многими известными литераторами и режиссерами, а также с начинающими писателями, из числа которых выделяла сына своей подруги – Сергея Довлатова. В детстве Шурочка жила в Царском селе и училась в школе, где когда-то была гимназия Ахматовой. В доме своей подружки, внучки известного поэта, она видела большой деревянный ларец с рукописями, который девочкам запрещалось отпирать. Повзрослев, Шурочка поняла, какой клад он хранил – это был тот самый «Кипарисовый ларец», давший название посмертному сборнику стихов Иннокентия Анненского, скончавшегося от инфаркта в 54 года на ступеньках Царско-

сельского вокзала. Такими вот живыми подробностями, дающими ощущение «рукопожатия» с минувшей эпохой, были насыщены ее неповторимые истории. Неудивительно, что на ее лекциях яблоку негде было упасть – приходили не только студенты, но их друзья и знакомые друзья. Любимой Сан-Сановне ученики присвоили титул: «Золотой Фонд нашего города».

Как же живет грузинская диаспора сегодня? Диаспора насчитывает примерно 40 тысяч, хотя до распада СССР грузин в Ленинграде было около 300 тысяч. В отличие от нескольких московских землячеств питерские грузины держатся сплоченно. Их объединяет организация «Иверия», зародившаяся в годы перестройки, а в 1992 году реорганизованная в землячество. В 1999 году председателем землячества стал успешный предприниматель Бадри Какабадзе, который активно занимается общественной и благотворительной деятельностью. Б. Какабадзе награжден российским Орденом святого Георгия первой

Бадри Какабадзе

степени и грузинским Орденом Чести, получил звание академика Санкт-Петербургской Международной общественной Академии холода – Бадри Какабадзе, помимо других направлений бизнеса, является самым крупным производителем мороженого в Петербурге и на Северо-Западе России.

Члены землячества отмечают традиционные праздники – Новый год и Рождество, чествуют юбиляров. При землячестве действуют четыре фольклорных танцевальных ансамбля. В январе 2016 года на пересечении улиц Руставели и проспекта Просвещения грузинская диаспора Санкт-Петербурга открыла памятник Шота Руставели работы Зураба Церетели. В Петербурге при поддержке диаспоры отреставрирована старинная церковь Шестоковской иконы Божией Матери, богослужения в ней проходят на русском и грузинском языках. Петербургские грузины участвуют в работе «Всемирного конгресса народов Грузии», основной целью которого является консолидация грузинских диаспор. В последние годы в Петербурге появилось множество ресторанов грузинской кухни, а также несколько магазинов грузинских дизайнерских брендов.

В числе известных наших соотечественников можно назвать создателя стоматологической сети клиник «Меди» Т. Мchedлидзе, заслуженного хирурга России В. Тоидзе, заведующего отделением хирургии клинической больницы им. Л. Г. Соколова. Из деятелей культуры – Олега Басилашвили, Николая Цискаридзе, солистов Мариинского театра оперы и балета – Михаила Колелишвили и Ирму Ниорадзе.

К «Золотому фонду города», бесспорно, относится знаменитый врач Алексей Георгиевич Баиндурашвили. Несмотря на солидный возраст, он выполняет в год более 100 сложнейших операций. Вице-президент Ассоциации травматологов-

ортопедов России, профессор Баиндурашвили является директором Научно-исследовательского детского ортопедического института им. Турнера. В одном из интервью Алексей Георгиевич отметил, что подобного института в Европе больше нет. «По уникальности я его обычно сравниваю с Мариинским театром или Эрмитажем», – сказал академик. – У нас лечат костную патологию, поражения опорно-двигательного аппарата, последствия ожогов, травм. Лечат детей с опухолями, детским церебральным параличом – с помощью нейрохирургии мы оперируем таких пациентов. Институт Турнера – «чемпион мира» по пересадке пальцев с ноги на руку, больше нас не делает никто». И еще – профессор верит в чудеса – в эффект из сказки про Конька-Горбунка: нырнул в котел – и вынырнул молодым и красивым, именно в его институте применяют самые передовые технологии и методики. Недавно задумали международный проект под названием «Интердерма»: с помощью клеточных технологий создавать повязки не химической структуры, а биологической. То есть в повязки внедряют живые клетки, которые будут «садиться» на ожоговые раны и заживлять их, процесс восстановления пораженных тканей при такой технологии ускоряется во много раз. Девиз знаменитого ортопеда: «Из дефекта делать эффект». Среди пациентов его института есть мальчик, у которого была врожденная патология кисти, после операций и лечения он смог учиться игре на скрипке. Под руководством и при личном участии профессора Баиндурашвили внедрены новейшие методики диагностики и лечения заболеваний опорно-двигательного аппарата у детей, разработаны новые оперативные технологии, с успехом применяемые в России и за рубежом для лечения ортопедической патологии у детей раннего возраста.

Алексей Баиндурашвили

Символична для петербургских грузин деятельность Вахушти Парцвания, который для осуществления своих проектов привлекает как российских, так и грузинских ученых. В 2005 году он основал в Петербурге культурный Фонд им. А.С. Грибоедова. В том же году возглавил российско-грузинский международный научно-исследовательский центр «Человек» при Санкт-Петербургском и Тбилисском государственном университетах. Издает международный научно-теоретический журнал «Номо Esperans» («Человек надеющийся») и является его главным редактором. Одной из главных целей считает возрождение российско-грузинских научно-культурных, дружеских, родственных и политических отношений.

Деятельность наших земляков в Петербурге ориентирована на будущее. Грузины в Петербурге трудятся в разных областях – строят дома, преподают, лечат, создают картины и заставляют влюбиться в свои кулинарные шедевры – словом, живут достойно, поддерживая исторические традиции диаспоры, стараясь преумножить добро и не уронить чести Грузии. Главное – всегда помнить, что за их плечами родина, которую надо представлять достойно.

«Безприданница»

«И ДЫШИТ ПОЧВА И СУДЬБА»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В столице Грузии прошел Грузинский международный фестиваль искусств имени Михаила Туманишвили «Gift», родившийся в далеком 1997 году и заслуживший за свою двадцатилетнюю историю огромную любовь зрителей. Он прошел через многие испытания, на какое-то время даже прекратил существование, но выстоял вопреки всему – политическим передрягам, финансовым проблемам и т.д. и т.п. В разные годы в фестивале приняли участие многие знаменитости – Питер Брук, Анатолий Васильев, Андрей Кончаловский, Кама Гинкас, Ванесса Редгрейв, Олег Табаков, Франко Неро и многие-многие другие.

«БЕЗПРИДАННИЦА»

Несколько лет подряд удивляет тбилисскую публику своим постмодернистским творчеством знаменитый российский экспериментатор, режиссер-художник Дмитрий Крымов.

В нынешнем году он привез в Грузию необычную, авторскую версию драмы Александра Островского «Безприданница» (У Крымова – «Безприданница»).

Это очередной саркастический перевертыш Лаборатории Дмитрия Крымова (Школа драматического искусства), театральный стеб. Персонажи пьесы предстают в шаржированном виде, а события выведены в комедийно-гротесковой форме. Герои выходят на сцену не из-за кулис, а... с большого экрана. Будто из кинореальности. В каком-то помещении, напоминающем кинотеатр или кино клуб (экран, стулья, гардероб с верхней одеждой), постепенно собираются Кнуров, Карандышев, Лариса с матерью, Паратов... Все это происходит при очень активном видеоряде. На экране то паратовский пароход «Ласточка», постепенно увеличивающийся в размерах и надвигающийся на зрителей не-

отвратимо как судьба (диалог Ларисы и Карандышева), то голубь с чайкой (сцена объяснения Ларисы и Паратова), то балерина, танцующая «Лебединое озеро» (гибель Ларисы). Вплоть до назойливой и агрессивной трансляции футбольного репортажа с гимном Советского Союза (правда, в спектакле стихия – ветер перемен! – сметает «прошлое», однако футбольный репортаж снова и снова вклинивается в видеосюжет). В эпоху господства телевидения, вообще – видеоизображения, такое абсолютное внедрение экрана в театральное действие кажется вполне оправданным. Даже измену Ларисы с Паратовым Карандышев видит на экране, в видеозаписи.

Осовременивание коснулось как персонажей, так и их текстов – и те, и другие «взрываются», переворачиваются с ног на голову. Все становится нелепым, абсурдным, смешным. Однако акробатикой слов и смыслов, каламбурами дело не ограничивается. Мы видим реальную рукопашную схватку персонажей – матери Ларисы Огудаловой и Паратова. Харита Игнатьевна в исполнении актера Сергея Мелконяна демонстрирует недюжинную физическую подготовку (как, впрочем, и Паратов – Евгений Старцев), чтобы спасти дочь от рокового соблазителя.

Соблазнитель Паратов в спектакле – вполне традиционный негодяй. Нетрадиционно его появление в «кадре» спектакля. Сначала мы наблюдаем красивый заплыв сердцеда. Позднее любимого Ларисы доставляют в целлофане – как утопленника. Причем совершенно без одежды.

Карандышев (Максим Маминов) – на все руки мастер. Все может подлатать, починить – к примеру, прибить отвалившийся каблук Ларисы. Во всем любит порядок – достаточно понаблюдать за тем, как он до тошно, терпеливо возвращает на вешалки упавшие на пол пальто и шубы. Процесс этот

в «исполнении» Карандышева бесконечный и занудный – как ков и сам Юлий Капитоныч.

Настоящий монстр в крымской постановке – купец Мокий Парменыч Кнуров (Константин Муханов). Это нечто среднее между человеком и животным. На нем черный цилиндр и длинное черное пальто с волочащимися полами. Возникает ощущение, что у Кнурова нет ног, и он не ходит, а ползает. Страшная сцена – когда кажущийся огромным купец накрывает полами своего пальто беспомощную маленькую Ларису, словно поглощает, пожирает ее...

«Невинную овечку» Ларису (Мария Смольникова) вообще окружают одни монстры – ни одного нормального человека. Да и ее можно назвать нормальной с большой натяжкой. Особенно когда Лариса – Смольникова предлагает Карандышеву пойти с ней в лес по грибы и перечисляет чуть ли не все их названия – вплоть до «гробовика цинкового» (прикол из разряда черного юмора). Или когда исповедуется Паратову в своей любви и рассказывает, как когда-то «повисла на последнем вагоне», пытаюсь его вернуть. Но при всех своих странностях и беззащитности Лариса может быть и другой, во всяком случае, внешне – вполне современной девицей, пытающейся выступать на эстраде. В ярком парике. Петь, не имея голоса. Под фонограмму... Но это занятие в конкурентном мире шоу-бизнеса делает Ларису еще более уязвимой в среде монстров и торгашей.

После того, как Паратов соблазнил Огудалову, в ее костюме появляется говорящая деталь: красный шлейф – словно птица (чайка!) ранена, и рана кровоточит. А сцена убийства Ларисы вообще достойна Квентина Тарантино. Как это сделано? – удивлялись зрители. Выстрел Карандышева буквально пригвоздил Ларису к двери. Мы видим «полную гибель всерьез». Все приколы – в сторону.

И только воскресают в памяти пастернаковские стихи: «Когда строку диктует чувство, Оно на сцену шлет раба, И тут кончается искусство И дышат почва и судьба».

«ОТВЕТ БУДУЩЕМУ»

Современный европейский театр – отражение процессов, происходящих сегодня в Европе. На фоне глобализации актуальным становится поиск национальной идентичности, возвращение к корням, истокам, традициям. Это неудивительно, ведь, по мнению Освальда Шпенглера – автора бестселлера «Закат Европы», который вышел в свет ровно сто лет тому назад и наделал много шума, чертами упадка цивилизации являются урбанизация, господство техники, чрезмерный рационализм, коммерциализация мира, борьба за власть. Все это противостоят духовные ценности, культура.

В связи с вышесказанным большой интерес вызывают идеи почетного гостя фестиваля «Gift», ведущего британского специалиста по развитию городов, автора многочисленных книг по городскому развитию, в том числе книги «Креативный город», Чарльза Лэндри. Под его руководством были реализованы городские проекты по всему миру – от Албании до Гонконга и от Новой Зеландии до Мексики. Круг вопросов, которые затрагивает Лэндри в своих работах: как сделать наши города тем местом, где хочется жить и работать? Как творческие ресурсы формируют конкурентоспособную городскую экономику? Как создать комфортную и безопасную городскую среду? Как достигается благоприятный социальный климат? Что позволяет городу «дышать»? Лэндри выступил с лекцией «Искусство строительства городов» в Тбилиском сакребуло.

В рамках «Gift» состоялась встреча с деятелями культуры итальянской Сардинии. Чтобы понять сардинцев, нужно знать географию это края: Сардиния

Марчелло Фойс

– остров, многие части которого не заселены. Здесь природа сохранилась в своей первозданности – как и сардинская культура, бережно оберегаемая народом этого острова.

В программе, подготовленной Италией для фестиваля, прошла конференция-семинар о современном итальянском театре «Ответ будущему», в которой приняли участие художественный руководитель международного фестиваля драматургии «Tramedautore», член координационного общества современного театра Италии «C.Re.Sco», международный директор фестиваля «Gift» Микеле Панелла и генеральный директор Национального театра Сардинии Массимо Манчини.

Микеле Панелла отметил глубинное родство грузинской и сардинской культур (музыка, ювелирные изделия, одежда, кухня, вино, взаимоотношения между людьми). Общее он нашел даже в том, как люди в Сардинии и Грузии смотрят друг на друга. «На острове Сардиния мы так же достаточно закрыты, как и в Грузии, и это позволило нам сохранить культуру».

Массимо Манчини рассказал собравшимся о том, как бурлит в Сардинии культурная

«Макбет»

жизнь. «Мы храним традиции, но открыты будущему!» – подчеркнул Манчини. Он рассказал о широкой и разнообразной деятельности «C.Re.Sco», объединяющей фестивали, залы, актеров, режиссеров, художников, композиторов, критиков. Все они работают над созданием современного театра, его новой стилистики, творческих институций. «C.Re.Sco» имеет и свой кодекс: создание пространства для развития современного театра; защита прав людей, вовлеченных в деятельность общества; всесторонняя поддержка молодых талантов; генерация новых идей, помогающих развитию современного театра, и вовлечение в этот процесс все новых и новых людей; сближение банковских фондов и деятельности «C.Re.Sco»; привлечение частного сектора и в то же время сотрудничество с государством; разработка законодательной базы. Каждое направление курирует соответствующая комиссия. Так, международная комиссия занимается продвижением креативных идей за границей.

На семинаре-конференции была представлена и современная итальянская драматургия, зачитаны отрывки из пьес.

Состоялась еще одна встреча – с известным итальянским писателем родом из Сардинии Марчелло Фойсом, рассказав-

шим о сардинской литературе, ее ярчайшем представителе – лауреате Нобелевской премии Грации Деледда. Фактически форма романа Сардинии зародилась в Нуоро (центрально-восточный район острова), где писательница появилась на свет. Этот город – родина и самого Марчелло, которого критики называют одним из самых талантливых авторов Италии. В 1989 году Фойс написал свой первый роман «Ferro Recente», а в 1998-м выходит «Sempre caro» – первый роман трилогии, в которой действие происходит на его родном острове, а главный герой – адвокат Бустиану. Прототипом главного героя является знаменитый адвокат и поэт конца XIX - начала XX века Себастьяно Сатта. Трилогия стала очень популярна, получила многочисленные литературные награды. Роман «Picta» награжден престижной премией Итало Кальвино.

Во время встречи с читателями, которая проходила в Национальной парламентской библиотеке Грузии, писатель подчеркнул, что главная задача Сардинии – сохранить свою уникальность, но быть при этом открытой для всех. Как рассказал Марчелло Фойс, центральная часть Сардинии породила много писателей – там были наиболее жестокие столкновения между архаикой и современностью. Кризис принесла

именно модернизация. «Иногда отставание лучше, – считает литератор. – Современный каприз – отрицать собственные традиции. Хотя в реальности не будешь современным, если не знаешь своих корней».

Как рассказал гость, Сардиния – регион, где больше всего читают: она на четвертом месте в Италии по количеству читателей.

Марчело Фойс стал писателем «через ухо» – слушал рассказы своей бабушки. Когда она прерывала свое повествование, мальчик домысливал историю. Это многое определило в его писательстве. «Бабушка была блестящим рассказчиком, я был околдован настолько, что от зависти к ней стал писать. Мне хотелось так же. В дальнейшем просвещение стало условием моего спасения. К счастью, папа и мама способствовали этому. Если я хорошо учился, всячески поощряли. Папа, простой и тяжелый человек, говорил: «Учеба – это сейчас твоя работа. Ты должен выполнить свой долг, чтобы заслужить остальное!» Сначала я занялся медициной, потом стал гуманитарием... Для папы писательство не было настоящей профессией. Главным было то, что свое пространство, свою землю ты должен вспахать хорошо, потому что никто, кроме тебя, этого не сделает!»

По мнению Марчелло, существует искусство читателя и искусство писателя, и у первого больше привилегий, чем у второго. «Писатель пишет, чтобы искупить свою вину, получить прощение... созданное писателем берет читатель. Это очень глубокий, чистый процесс». И еще: «Существует талант, дар минимального высказывания, а затем – дистанцирование от написанного. Следующий этап – магия...»

Гость провел разделительную линию между «актуальными» писателями и теми, кто пишет на вечные темы, для будущего. «Писатель, который должен остаться в истории ли-

тературы, останется. Его могут не читать 10-20 лет, но спустя время такого автора обязательно откроют и прочитают. Актуальные писатели сочиняют для читателя своего времени, определенного момента. Но ни один такой литератор не стал классиком. Я не считаю, что актуальные авторы плохи, у них есть право быть актуальными и не остаться. Но есть другие писатели, принявшие самоубийственное решение, что при жизни их произведения не будут прочитаны. Они идут на это... Поэтому нужно четко дифференцировать первых и вторых. Читатель может быть слабым, целый год читать одну плохую книгу и считать ее хорошей литературой. А сильный читатель обычно поглощает много и выбирает из прочитанного действительно достойное и нужное ему».

Переводчица Хатуна Цхакадзе приготовила гостю сюрприз – свой перевод отрывка из его поэмы. Он был озвучен во время встречи с писателем.

«Мы, сардинцы, современные, но с очень глубокими корнями, что мы и хотели донести до вас в эти дни!» – отметил М. Фойс.

Подтверждением его слов стало выступление в Тбилиси вокалистов фольклорного ансамбля «Tenore Murales», принявшего участие в заключительном концерте IX международного симпозиума фольклорной музыки – он проходил в Тбилисской государственной консерватории имени В. Сараджишвили. Выступление артистов из Сардинии было очень ярким, самобытным, и у слушателей возникло ощущение прикосновения к чему-то настоящему, подлинному. Если так можно выразиться – «почвенному».

Национальный театр Сардинии, Министерство культурного наследия Италии, Муниципалитет города Кальяри и фонд Сардинии, Посольство Италии в Грузии предложили вниманию тбилисцев спектакль

«Макбет» Шекспира – оригинальную, архаичную, но при этом очень современную постановку Алессандро Серра, в которой проявлены корневые основы театра, отражены традиции своеобразной культуры Сардинии.

Спектакль, представленный на сцене театра им. Ш. Руставели, начинается в полнейшей, жгучей темноте. С каждой секундой нарастает и нарастает страшный шум – возникает вполне реальное ощущение страха: вот-вот пространство взорвется, и мы вместе с ним! Практически все действие развивается в полутьме – при минимальном освещении. Персонажи говорят негромко, а иногда переходят на театральный шепот. Появляются в виде каких-то теней – из ниоткуда и исчезают – в никуда (так странно дематериализовалась ближе к финалу спектакля леди Макбет, поднявшись по ширме куда-то вверх и словно растворившись в темноте – ушла туда, откуда пришла?).

Кажется, будто события спектакля происходят только ночью (или в кошмарном сне?). Злодеяния ведь часто совершаются во тьме-ночи – именно в это время суток Макбет убивает короля Дункана, чтобы завладеть тронem... Во тьме-

ночи активизируется и нечистая сила. В спектакле сардинцев эти «готические» образы (в пьесе Шекспира фигурируют три ведьмы, в постановке А. Серра создается впечатление их многочисленности и вседуальности) страшноватые и забавные одновременно. Их проделки вносят большое оживление в эту довольно суровую, аскетичную постановку – по атмосфере; по минималистичности сценографии – она состоит из нескольких ширм, которые в одной из сцен превращаются в пиршественный стол; по сакрально-магической, inferнальной звуковой среде.

В этом мрачноватом мире существуют люди, наделенные такими же качествами, – в них преобладает животное начало. Одна из сцен потрясает своей конкретностью, натуралистичностью. После убийства Дункана леди Макбет «кормит» слуг, и они пожирают еду как свиньи – на полу, из общего корыта... Отталкивающая пара – Макбет и леди Макбет. Физически они друг другу совершенно не подходят. Леди Макбет ростом намного выше супруга и мужеподобна (ее играет актер, что возвращает нас в шекспировские времена). Запомнилась сцена, когда эта странная женщина стоит вплотную, за

«Симулякр»

спиной Макбета и уговаривает его совершить преступление: огромная фигура леди Макбет словно нависает над маленьким мужем, подавляет его. Незначительной кажется и цель, оправдывающая, как известно, все средства: вождельный трон – в спектакле всего лишь небольшой стульчик.

Здесь нет положительных героев – это мир властолюбивых убийц. И когда совершается возмездие – Макбет уничтожен – не возникает просветления, катарсиса. Мы понимаем, что цепочка преступлений в этом средневековом кошмаре бесконечна. Методические удары Макдуфа по металлической основе ширмы в финале спектакля – оповещение не только о победе над Макбетом, но и о начале нового цикла войн и расправ.

В спектакле, который звучит на сардинском языке, происходит современное осмысление шекспировской трагедии, но при этом ощущается связь с архаичной культурой и традициями Сардинии. Как отметил писатель Марчелло Фойс, это версия Барбаджи – горного региона во внутренней части Сардинии. В спектакле создано экстремальное пространство, противостоящее цивилизации. В одном из последних эпизодов на авансцену выходят актеры в древнейших масках – это национальные маски Сардинии. Так в спектакле выражена тема возмездия. В пьесе это наступление Бирнамского леса на Дунсинанский замок, то есть – конец власти Макбета.

Сардинцы предложили свою интерпретацию Шекспира не только в театральном воплощении, но и в кино. Возможности кинематографа позволили перенести события трагикомедии «Буря» в современные реалии, на остров Сардинию. Был использован принцип «театр в кино» – по сюжету фильма «Ткань сновидений» режиссера Джанфранко Кабиду на острове, на территории тюрьмы, персонажи картины свои-

ми силами ставят эту пьесу, в то же время сама киноистория фактически повторяет шекспировскую «Бурю». Девственная природа Сардинии как нельзя больше подходит ей – как известно, волшебник Просперо и его дочь Миранда волею судьбы оказались именно на таком острове ...

«SIMULACRUM», «STATE», «SHOW»

Не менее насыщенной была норвежская программа. Ее открыл театр пантомимы «THE KRAMPLE» (выпускники международной театральной школы Жака Лекока) – грустно-веселым спектаклем «Yokai». В нем торжествует безграничная детская фантазия. Люди, куклы, смех, слезы, приколы, трюки, музыка... Добрый, светлый, изменчивый мир (правда, с привкусом горечи) творится (и разрушается!) на глазах зрителей, на время возвращает их в детство, в сферу зыбких иллюзий...

Олико Жгенти представила свой насыщенный информацией, глубокий документальный фильм о норвежском писателе, лауреате Нобелевской премии Кнуде Гамсуне, судьба которого тесно переплелась с Грузией, Кавказом.

Сильнейшее впечатление произвел спектакль «Симулякр» театра «Зимние гости»

«Show»

(режиссер Аллан Люсьен Оиен) – прежде всего, дерзким соединением несовместимых, на первый взгляд, культур: аргентинского фламенко и японского кабуки. И вновь – как в случае с программой Сардинии – взгляд в глубину веков, культурно-историческое прошлое. А еще – очень современный подход к процессам сближения народов на нашей планете. Как понять другого человека, столь не похожего на тебя? Только через постижение культуры, проникновение в ее архетипы. Только через диалог культур, народов, эпох. Что и происходит в спектакле-воспоминании, в спектакле-фантазии «Симулякр» (его сыграли в театре им. К. Марджанишвили).

В нем участвуют два великолепных танцовщика – японец Шоджи Фуджима и аргентинец Даниэль Проьетто. Они играют самих себя – рассказывают о своей первой встрече, о том, как стали постигать древнейшие культуры – кабуки и фламенко. В итоге Шоджи стал виртуозным исполнителем танца фламенко, а Даниэль овладел секретами классического театра Японии Кабуки. Действие спектакля развивается по нарастающей, достигая своего апогея в финале. Он – двойной. В конце первого акта на сцене царствует Шоджи в образе танцовщицы зажигательного

фламенко. А после короткого перерыва Даниэль демонстрирует завораживающее искусство кабуки.

И делают это оба так искусно, вдохновенно, с такой самоотдачей, что зрители, замерев от восхищения, не могут оторвать глаз от артистов. У каждого из них – свой жизненный опыт, свои воспоминания – детство, отчий дом... голубая рыбка, Хиросима, гибель матери Шоджи. Каждый тщетно пытается удержать ускользающие мгновения своей жизни, собрать осколки памяти. Выразить свои ощущения через хореографию. Пластические этюды в луче света, под дождем – потрясающие по своей выразительности эпизоды спектакля.

Театр, исследующий ритуальные традиции танца (компания Ингри Фиксдал), на сцене Театра Королевского квартала показал уникальное в своем роде представление «STATE», в котором живой звук разнообразных ударных инструментов и предметов, приспособленных для извлечения звука, органично спаян с пластикой артистов, суперсовременной хореографической лексикой спектакля, его метафизическим, загадочным образом. Спектакль состоит из нескольких частей. Группа, обеспечивающая саунд-дизайн, – это в основном ритмичные удары, нарастающий гул, напоминающий звук летящего самолета, монотонное звучание, – находится прямо на сценической площадке, артисты переодеваются тут же. Каждая часть этого хореографического представления вызывает свои ассоциации, дает возможность фантазировать. Первый эпизод – генезис (рождение). Артисты вначале скрыты в «коконах», в которых происходит формирование будущей жизни, затем – «проклевываются» птицы... С каждой секундой нарастает темпо-ритм, экспрессия движений родившихся существ.

В пластическом рисунке следующего эпизода есть что-то магическое, шаманское.

Артисты надевают маски (такие же на лицах саунд-дизайнеров), яркие костюмы, чем-то напоминающие экзотические наряды африканских племен, исполняющих ритуальные танцы... Парадоксально, но позднее возникает другая ассоциация: перед нами существа инопланетного происхождения, что выражается и нарастающим гулом двигателя летательного аппарата, и хореографией – ускоряющимся вращением артистов.

ное «Show» хореографа с мировым именем Хофеша Шехтера (Великобритания) было представлено на сцене театра имени Ш. Руставели. В нем также используются традиции ритуального танца. «Show» – это какой-то карнавал смерти, апофеоз убийства – тотального взаимоуничтожения людей, войны. Действие происходит в цирке, тем страшнее, когда персонажи – веселые клоуны – на наших глазах превращаются в безжалостных убийц... Публи-

«Кили и Ду»

Третий эпизод. Резкие, «физкультурные» движения фигур (чувство тревожности акцентируют даже носки активного красного цвета на танцовщиках), как будто марширующих в строю. Завораживающая, наступательная, агрессивная геометрия – но в финале эта стройная команда разлагается и превращается в бесформенную красную массу. Распад.

Спектакль изумил своей креативной формой – она выразила сложность, многообразие, непостижимость мира, часто враждебного по отношению к человеку.

Эффектное, сногшибатель-

ка была ошеломлена увиденным! Таким вот крещендо завершился «Gift».

Отметим, что хозяйка «Gift» – худрук Кети Долидзе – показала на фестивале и свою режиссерскую работу – социальную драму «Кили и Ду» Дж. Мартин. Долидзе – мастер камерного жанра, жестко выстраивающая сценическое пространство и отношения между актерами, заостряет актуальнейшую на сегодняшний день проблему – проблему аборт. Вместе с актерами Батумского государственного драматического театра имени И. Чавчавадзе.

Ольга Книппер-Чехова

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Какой бы тайной ни была окружена работа разведчика, она рано или поздно становится достоянием гласности. Благодаря видимым всем результатам или обнародованию сверхсекретных документов. К немецкой кинозвезде, детские годы которой прошли в древней столице Грузии, это не относится. Поэтому в СССР десятилетиями утверждалось: распространяемые на Западе сообщения о том, что Ольга Чехова была сверхсекретным агентом в окружении самого Гитлера – сплошной вымысел. Подтверждение появилось лишь после опубликования откровений исполнителя личных поручений Сталина и Берия, руководителя спецопераций советской разведки Павла Судоплатова и других хорошо осведомленных людей. Но в архивах «органов» по-прежнему уверяют: в

документах, сохранившихся под грифом «Совершенно секретно» агент Чехова официально не значится...

Но начнем знакомство с этой женщиной-тайной с другого документа. В списке выпускников Петербургского Института инженеров путей сообщения 1892 года первым стоит ее отец, выходец из обрусевшей немецкой семьи Константин Книппер. Его брат и сестра избирают жизнь в искусстве – Владимир становится известным певцом, режиссером Большого театра, Ольга – актрисой Московского художественного театра, будущей женой писателя Антона Чехова. А сам Константин уезжает на Южный Кавказ, быстро продвигается по службе и через пять лет уже руководит строительством тоннелей, в частности, Джиджурского на трассе Тифлис-Карс, в

Армении. В 1897-м в Александрополе (ныне – Гюмри) у инженера-путейца рождается вторая дочь – Оля, и семья переезжает в Грузию. У инженера – уже кабинет в Тифлисе, в управлении Закавказской железной дороги. Но там он не задерживается, много ездит по объектам, а жену с дочерьми поселяет в Мцхете.

Вскоре после переезда происходит ЧП. «Накануне моего шестилетия наша грузинская няня Мария рассказывает мне о приключении, произошедшем со мной, когда я была еще младенцем... Я лежала в низкой колыбельке перед нашим домом. Она, Мария, должна была присматривать за мной. Но, конечно же, задремала...» Будит няню истошный лай собак, «она таращит глаза и начинает кричать: «Олю украли, ребенок пропал!». Из дома выбегают ро-

Ольга, Лев и Ада Книппер

дители, их гости, прислуга. Всеобщая паника. Но такса Фрамм за фартук тянет повара в кусты. А там... «Шакал роняет свою добычу – плачущего младенца, который по грузинскому обычаю завернут в кокон, словно гусеница. Это была я. Шакал держал меня только за плотно спеленутые ноги. Он убегает».

Но это – еще не собственные воспоминания. В памяти же самой девочки жизнь в Мцхете остается яркими картинками. «Дом...на склоне гор, окруженный большой лужайкой, позади растет густой лес»... «Живя среди кавказского девственного леса, мы ближе к природе, чем многие»... «Во время сбора винограда, когда мы со всеми остальными собираем виноград»... «Часами брожу я в близлежащих садах. Мама любит фиалки; я приношу их ей, когда могу, и при этом расширяю свои познания, насколько это возможно»... «Наряду с садами горы – предпочитаемый мной ландшафт. Я внимательно слушаю местных жителей, когда они рассказывают старинные предания и легенды; мое воображение разгорается. И я учусь у них тому, для чего и в первую очередь от чего полезны и пригодны ягоды, растения и травы. «От каждой болезни – своя травка», – говорят старые крестьяне. Их аптека природа, потому они такие крепкие».

В Мцхете у Ольги появляется братик Лева, а вскоре все перебираются в Царское Село. Константина Книппера, о котором Антон Чехов писал: «Великолепный парень, с ним приятно», переводят в Министерство путей сообщения, но работу на Кавказе он не прекращает. Так что семья живет на два города, часто приезжая и в мцхетский дом. Все Книпперы говорят на трех языках – русском, английском и французском, мать и дочери заказывают платья в Париже, бывают на приемах в царской семье. Ольга убеждена, что рождена для сцены, и перед Первой мировой войной родители отправляют ее Москву, к «любимой тете Оле». Она вольнослушательницей посещает занятия в Первой студии Художественного театра, учится рисованию и лепке у знаменитого художника Константина Юона, в нее влюбляются многие, но бурный роман вспыхивает с актером Михаилом Чеховым, племянником Антона Павловича. Венчаются они тайно, в подмосковной церкви, дав взятку священнику. Ей 17 лет, ему – 23 года.

«Тетя Оля» в истерике, родители в гневе. Ольгу увозят в Питер, через пару месяцев она возвращается к мужу, но без денег и приданого. Свекрови она не нравится... Брак этот длится 4 года. Михаил становится звездой Художественного театра,

его затягивает божемная жизнь: пьянки, скандалы, измены не прекращаются даже после рождения дочери, тоже Ольги. Впрочем, все и всегда зовут ее Адой. Забрав ее, Ольга уходит от мужа, унося и полезный «багаж»: актерский опыт, связи в театральном и литературном мире, громкую фамилию. Начинаются мимолетные увлечения и романы, по свидетельству ее старшей сестры, «насчет разбитых мужских сердец то не перечсть».

Завершается все это вторым браком – с обаятельным авантюристом Фридрихом Яроши, бывшим австро-венгерским офицером, выдающим себя за писателя. Живут они трудно: Гражданская война, разруха, голод, родители бегут от смуты в Сибирь, забрав с собой ее дочь. А сама Ольга колесит по провинциям с передвижным театром «Сороконожка», чтобы как-то прокормиться. И тогда уважаемая всеми Ольга Книппер-Чехова просит своего хорошего знакомого, наркома просвещения Анатолия Луначарского отпустить племянницу за границу, всего на полтора месяца, «для поправки здоровья и продолже-

После первых успехов

Михаил Чехов

ния театрального образования». Так в 1921-м Ольга навсегда покидает Россию.

В Берлине она расстается с Яроши и ищет работу, конечно же, актерскую. Учит язык, зарабатывает в маленьких театрах, занимается с педагогом по сценической речи и... оказывается «фактурной» для немого кино. Красивое аристократическое лицо, обаяние, изысканность приводят ее на съемочные площадки Берлина, одного из центров мирового кинематографа. Играет роскошных аристократок, иностранок, авантюристок и очень нравится немцам, истосковавшимся по красивой жизни. А с появлением звукового кино в ход идет система Станиславского, и осмысленность игры выгодно отличает Ольгу от коллег. Легкий акцент придает шарм персонажам актрисы, которая, что весьма ценится, сбежала из чужой страны на «историческую родину». Популярность увеличивают и переведенные на немецкий русские пьесы, которые с охотой ставят берлинские театры.

В 1924 году она пишет Книппер-Чеховой в Москву: «Вчера совершилось мое крещение! Вперед появились плакаты с моим именем, потом заметки в газетах. Я впервые играла в драме...» Затем: «У меня самый большой настоящий успех. Театр вечно полон. Мне самой так смешно. Я здесь стала известна. Люди из-за меня идут в театр, в меня верят... Я в руках очень хорошего режиссера, так что ты не бойся. Ни немецкой школы, ни пафоса мне не перенять. Я каждый вечер играю с такой радостью, с таким волнением, плачу, вся моя жизнь сконцентрирована на сцене». И вот тут начинаются события, странность которых не понять нынешним поколениям, не знающим, как в СССР боялись даже упоминать о родственниках за рубежом.

Ольга Чехова без всяких препон вызывает к себе в Берлин, «на постоянное место жительства» мать, сестру и племянницу. И это – начало ее дальнейших беспрепятственных контактов с оставшимися в Советском Союзе близкими людьми, для которых переписка с «невозвращенкой» даже в

самый разгул чекистского террора не имеет никаких последствий. Ольга уже может позволить себе материально поддерживать их. В 1929-м, снимая свой первый фильм в качестве режиссера, забыв все обиды, дает главную роль первому мужу, приехавшему с женой в Германию. Потом подыскивает ему роль в театре, с которой и начинается блестящая зарубежная карьера Михаила Чехова, завершившаяся в США. Задолго до него, в конце 1920-х, в Штатах побывала и Ольга.

После фильмов «Маскарад», «Ханнерль и ее любовник», «Красивые орхидеи» и особенно «Мулен Руж», ее имя становится известно в Голливуде. Там она снимается в нескольких картинах, в том числе у Хичкока, ей предлагают совместную работу Дуглас Фэрбенкс и Гарольд Ллойд, она щелкает семечки вместе с Чарли Чаплином. Но на «фабрике грез» не остается, пишет Книппер-Чеховой: «Здесь каждое слово – деньги, каждый день – деньги... Зовут в Америку, но я не поеду. Не могу я среди людей без сердца и души работать». Да и вообще: «Запад я где-то принимаю, а где-то отталкиваюсь всеми силами. Людей сторонюсь. Чужое все, ископаемые какие-то». Тем не менее она именно западная кинозвезда, из 132-х ее фильмов в СССР не показали ни одного. Впрочем, это касается простых советских людей. А вот Владимир Немирович-Данченко пишет ей, что видел картины с ней и убедился: она – большая актриса. Этим Ольга очень гордится.

В восторге от нее и вся Германия. Когда к власти приходят нацисты, выясняется, что их вождь – давний почитатель ее таланта. И она оказывается в высших кругах фашистской знати. Среди подруг не только кинозвезды Пола Негри, Марика Рекк, Цара Леандер и главный режиссер-документалист режима Лени Рифеншталь. Она дружит с любовницей фюрера Евой Браун, женами Геббельса и Геринга и на всех правительственных приемах – рядом с ними. Иначе и быть не может: Гитлер вся-

Ольга Чехова в фильме «Милый друг»

Воплощение зрительского идеала

чески подчеркивает свое расположение к ней. В газетах появляется фотография, на которой он целует руку Чеховой, и армия ее поклонниц убеждена: им предстоит свадьба. Популярность кинодивы растет, она становится одним из символов Третьего рейха, ее портреты во всех журналах и почти в каждом доме. И именно покровительство фюрера позволяет избегать домогательств высокопоставленных чиновников и военных...

А замуж она все-таки выходит – за бельгийского миллионера Марселя Робинса в 1936-м, получив звание государственной артистки Третьего Рейха. Но и этот брак не складывается. Внешне привлекательный муж оказывается сухим скупердяем, все свои расходы Ольга, как раньше, оплачивает сама. И, не выдержав долго в роскошном брюссельском особняке, она возвращается в Германию, где каждый год снимается в 7-8 картинах, в главных ролях. В 1937 году Ольга Книппер-Чехова, проездом, возвращаясь с парижских гастролей МХАТа, поселяется у племянницы в Берлине, и та устраивает в ее честь роскошный прием. На нем тетюшка едва не лишается сознания: ее, народную артистку СССР, приветствует ближайшее окружение Ольги, то есть Гитлер с соратниками! Но по возвращении в Москву – никакой реакции властей, более того переписка с берлинской родственницей преспокойно продолжается.

Отношение Гитлера к Чеховой не меняется и после начала войны с ее родиной. В главной ставке фюрера для приездов актрисы выделяются личные комнаты, ей сходит рук кощунственная дерзость, высказанная Геббельсу. На приеме в честь ожидаемого падения Москвы тот задает вопрос Ольге, назвав ее «экспертом по России»: «Как думаете, до зимы закончим? Встретим Рождество в Москве?» И слышит в ответ: «Нет. Еще Наполеон не учитывал русских пространств... в момент опасности все русские едины». Женщине, с которой

фюрер подолгу беседует и которой лично вручил свое фото с надписью: «Фрау Ольге Чеховой – откровенно восхищенный и удивленный», живется в воюющей стране весьма неплохо. Она не знает, что такое пайки и эрзац-продукты, угощает «высоких гостей» деликатесами, разъезжает на личной машине с шофером. А в 1941-м – большая взаимная любовь с первого взгляда с летчиком Фердинандом Йепом. Он называет ее «Олинка», пишет с фронта письма, которые она хранит всю жизнь, ей пересылают его вещи, когда он гибнет...

Естественно, любимая актриса Рейха много ездит по воинским частям, постоянно выступает по радио, солдаты на передовой с нетерпением ждут ее новых фильмов. Но при этом Ольга категорически отказывается петь патриотические и военные песни, только – лирические. А Гитлером, который шлет ей подарки на каждое Рождество, умело «вертит». Так, по ее просьбе, спасаются от преследований несколько актеров-евреев. Считается, что именно благодаря ей немцы не тронули во время оккупации чеховские усадьбу Мелихово и музей в Ялте. И лишь один человек относится к русской актрисе с большим подозрением – рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Должность у него такая, да и основания, скорее всего, постепенно появляются.

Слово – генерал-лейтенанту Павлу Судоплатову, организатору убийства Льва Троцкого и многих других тайных операций за пределами СССР, по личному приказу Сталина уничтожившему в Роттердаме лидера украинских националистов Евгения Коновальца:

«Помимо этих источников, в 1940 году к ним добавились сотрудничавшие с нами на основе доверительных отношений и вербовочных обязательств знаменитая актриса Ольга Чехова и князь Януш Радзивилл, имевшие прямой выход на Геринга... Известная актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была близка к Радзивиллу и Герингу и через родню в Закавказье связана с Берией. Позднее она была на личной связи в 1946-1950 годах у сменившего Берию министра госбезопасности Абакумова. Первоначально предполагалось использовать именно ее для

На официальном приеме с Гитлером

Ольга Чехова и дочь Ада

связи с Радзивиллом.

У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл и Ольга Чехова должны были при помощи своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов, заброшенных в Германию и находившихся в Берлине в подполье, полностью подчинялась боевику Игорю Миклашевскому, прибывшему в Германию в начале 1942 года... Миклашевскому удалось на одном из приемов встретиться с Ольгой Чеховой. Он передал в Москву, что можно будет легко убрать Геринга, но Кремль не проявлял к этому особого интереса. В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заключить отдельный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза».

Свидетельствует Серго Гегечкори, сын Лаврентия Берия: «Я знал о связи своего отца и Ольги Чеховой. Ее помощь советской разведке сложно переоценить... Меня несколько не удивляет, что органы государственной безопасности бывшего Союза, а ныне России не смогли подтвердить причастность Ольги Чеховой к деятельности советской разведки. Наверняка таких документов нет. Объяснение простое: мой отец ни тогда, в сорок пятом, ни позднее решил ее не раскрывать. Случай, должен сказать, довольно типичный. По картотекам органов государственной безопасности не проходили — знаю это совершенно точно — сотни фамилий. Отец считал, что «настоящего нелегала через аппарат пускать нельзя.. У отца, знаю, был целый ряд людей, которым он абсолютно доверял. Они-то

и поддерживали связь с такими разведчиками, как Ольга Чехова». Можно, конечно, засомневаться в том, что сын Берия был в курсе отцовских дел. Но ведь и сам он не был чужд разведке — окончил разведшколу, выполнял специальные секретные задания. Да и отец многим с ним делился. Так что отмахиваться от его слов не стоит.

Чем же Ольга Чехова могла заинтересовать советскую разведку? Во время войны крайне важна любая «приватная» информация из высших сфер противника: настроения, перестановки, обсуждения, планы, размолвки. Все это любимица фюрера может прекрасно знать из личных наблюдений, бесед с нацистскими бонзами и их женами, оценок и слухов, почерпнутых в ближайшем окружении Гитлера. Каждый шаг берлинской верхушки очень интересует Кремль. А кто же и когда вербует Чехову? Да родной брат Лев Книппер, тот самый, родившийся в Мцхете, бывший белый офицер, ставший агентом НКВД. С ним она все время переписывается, а в 1940-м он приезжает в Германию «лечиться от туберкулеза». По словам Судоплатова, связь брата и сестры должна была быть использована в том случае, если бы немцы взяли Москву. Опять-таки для покушения на Гитлера:

«Берия приказал нам организовать разведывательную сеть в городе на случай захвата его немцами... Расчет строился на том, чтобы Книппер разыграл легенду перебежчика на сторону немцев. Во время допроса он должен был сделать упор на своем германском происхождении, участие в качестве офицера в Белой армии в Гражданскую

Неотразимая Ольга Чехова

Лев Книппер

войну и использовать широкую известность своей сестры немецкой актрисы Ольги Чеховой во всем Рейхе и обласканной фюрером... Человек закаленный и отважный, Лев должен был при представлении своей сестрой Ольгой Чеховой его Гитлеру – взорвать его и его окружение. Он был готов пожертвовать собой ради избавления мира от этого изверга».

Покушения так и не состоялись, и можно было бы сказать, что Ольга Чехова благополучно дожидается до конца войны, если бы Гиммлер, в конце концов, что-то не «накопал» на нее. Весной 1945-го арестован ее шофер, друзья предупреждают Ольгу, что придут и за ней. И вот что вспоминает ее двоюродный брат Владимир со слов самой Ольги: «Акцию осуществлял Гиммлер. Невероятно, как ей удалось отсрочить арест с вечера до утра следующего дня, но это факт. Когда наутро эсэсовцы во главе с Гиммлером вошли в дом Чеховой, они застали ее за утренним кофе в компании с Гитлером». Который до этого как-то заявил: «Я беру, фрау Чехова, над вами шефство, иначе Гиммлер упрячет вас в свои подвалы. Представляю, какое у него на вас досье».

А с конца войны вокруг Ольги Константиновны разворачиваются и вовсе странные события. В апреле 1945-го под Берлином военные задерживают ее и отправляют спецрейсом в Москву. Кажется бы, подвалы Лубянки, а потом 10 лет лагерей – самое малое, что ждет предательницу родины и приспешницу Гитлера. А ей обставляют две комнаты в квартире пропавшего без вести офицера. Ольга сблизилась с его женой, делит с ней продукты, доставляемые чекистами, которые приносят и книги, играют с «пленницей» в шахматы. С Чеховой встречается Берия, а потом – допросы на Лубянке, отнюдь не соответствующие страшной репутации этого места: «Никто не кричит, в голосе даже намек на угрозу... Беседуют со мной о лите-

ратуре, музыке, театре, кино... О личных контактах с Гитлером, самым близким его окружением». Ей позволяют звонить родным. А через два месяца отправляют самолетом... в Германию.

Бывший командир взвода 1660 Гвардейского противотанкового артиллерийского полка I Украинского фронта Останин вспоминает, как их шоферы угнали чей-то спортивный автомобиль. Комендатура в гневе: «Машину вернуть, а виновных строго наказать!» Командир полка приказывает Останину взять консервы, хлеб, вино и уговорить хозяев авто сообщить коменданту, что машина возвращена в целостности и сохранности. Хозяйкой оказывается молодая женщина, она говорит с солдатами на чистейшем русском, приглашает их к столу и представляется: «Ольга Чехова». Потом звонит в комендатуру: «Я сама разрешила солдатам покататься на своей машине».

Донесения, связанные с ней, поступают в Москву регулярно. В одном сообщается, что «живет у Чеховой О. К. и находится с ней в близких отношениях» преподаватель академии физкультуры в Берлине Альберт Зумзер. В другом пересказывается статья «Орден для Ольги Чеховой» в газете «Курьер», издаваемой во французской зоне оккупации. В ней говорится, что «известной киноартистке Ольге Чеховой был вручен лично товарищем Сталиным высокий русский Орден за храбрость».

Такой запомнили немецкие зрители Ольгу Чехову

Вера Чехова и Элвис Пресли

Резолюция на этом сообщении: «Тов. Абакумов. Что предполагаете делать в отношении Чеховой? Лаврентий Берия». И начальник Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Виктор Абакумов действует. По каналам Советского информбюро военной администрации Чехова выступает на радио, официально заявив: Сталина никогда не видела, Гитлера – лишь в официальной обстановке, а орден Ленина вручили ее тете Ольге Леонардовне.

По абакумовскому распоряжению, Чехову переселяют в советскую зону оккупации, снабжают продовольствием, бензином, стройматериалами для ремонта дома, возле которого выставлена охрана. В Москву сообщают: она «выражает большое удовлетворение заботой и вниманием к ней». Сохранились ее письма Абакумову, в которых она называет его «дорогой Виктор Семенович», спрашивает, «когда встретимся?» По словам Судоплатова, личную переписку с Абакумовым, ставшим министром государственной безопасности, она поддерживает до 1951-го, до его ареста.

После 1949 года Ольга Константиновна беспрепятственно переезжает в Западный Берлин, потом в Мюнхен. А в 1953-м опытную разведчицу Зою Воскресенскую-Рыбкину отзывают из отпуски и отправляют на встречу с Чеховой. Задание: прозондировать, как отнесутся правительство ФРГ и лично канцлер Конрад Аденауэр к идее Берия объединить две Германии в одно государство. Рыбкина докладывает Судоплатову, что встреча с Чеховой прошла нормально, но ее тут же отзывают в Москву. Берия арестован, среди обвинений – и

идея единой Германии. На этом шпионские миссии Чеховой завершаются.

Она играет в театрах, за 25 лет снимается в 22-х фильмах. В 1955-м открывает в Мюнхене фирму «Косметика Ольги Чеховой», а через 11 лет в авиакатастрофе гибнет дочь Ада. И, пережив ее на 15 лет, Ольга Константиновна воспитывает внуков Веру и Мишу. Кстати, Вера, как бабушка и мать ставшая актрисой, стала широко известной задолго до того, как сыграла в кино и на телевидении более 50 ролей и получила Национальную кинопремию ФРГ. В 18 лет у нее был бурный роман с приехавшим в Германию Элвисом Пресли, их совместные фотографии заполнили газеты. И она стала единственной, кто сама бросила короля рок-н-ролла, назвав его в прессе неотесанным чурбаном и маменькиным сынком.

А ее бабушка в 1964-м официально завершает сценическую карьеру и полностью занимается косметической фирмой, филиалы которой появляются в Западном Берлине и Милане. В том же году собирается с дочерью съездить на могилы Антона

Могилы Ольги Чеховой в Мюнхене

Павловича и Ольги Леонардовны, повидать друзей молодости. Но те, кто знают ее в России, пугаются, отговаривают от поездки. И в последние годы жизни она болезненно боится двух вещей: фильмов о войне и упоминаний о России. Хотя в ее доме говорят только по-русски. Умирает она в 83 года, сумев мужественно противостоять раку мозга. На похороны приходят толпы – немцы помнят свою кинозвезду.

А косметическая фирма процветала и после ее смерти. Неслучайно сестра актрисы писала: «Ее здесь называют женщиной, которая изобрела вечную молодость». В чем же секрет кремов и мазей Ольги Чеховой? Сообщалось, что еще девочкой она научилась собирать нужные травы и цветы. А уточнение может дать сама Ольга Чехова: «Я хотела стать врачом. Мечте не суждено было сбыться. Но мое понимание натуральной косметики, несомненно, зародилось в кавказских горах». В Мцхете.

Искусство кукол

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

*Фото автора и из архива
Михаила Зайкова*

Куклы похожи на людей, выглядят как мы, смотрят на нас нашими же глазами, делают то, что хочется нам, воплощают мечты, на которые мы порой и не решаемся. И все это во все не фантазия. Эти творения – участники II Международного фестиваля авторской куклы ArtDoll, который прошел в Тбилиси в ноябре.

Фрида Кало задумчиво рисует свою любовь к Диего Риверке, дама из высшего общества снимает с лица надоевшую маску, майор жонглирует золотыми звездами, фрекен Бок улыбается собственным мыслям, пожилая пара вяжет свитер, Серго Параджанов творит шедевры, черная невеста не падает духом, а бабушка-одуванчик, покуривая, наблюдает за жизнью с высоты своих белоснежных крыльев.

Удивительные куклы прибыли в столицу Грузии: их привезли кукольные дизайнеры из России, Украины, Азербайджана, Чехии и Эстонии.

Свои работы в Тбилиси представили известные мастера кукол: россияне Елена Туминская, Михаил Зайков, Ирина Черепанова, Оксана Федоренко, Ирина Четчко и Марат Караев, украинки Виктория Цейтельман и Оксана Воропай, азербайджанский кукольник Пярвиз Гусейнов, а также Ирина Кодреско-Люмьер из Чехии и Владлена из Латвии. А грузинское кукольное искусство на ArtDoll Tbilisi показали 25 мастеров.

Посетители имели возможность увидеть изумительные экспонаты в Музее современного искусства Зураба Церетели и в Государственном центре фольклора Грузии. Мероприятие собрало и любителей кукол,

и серьезно интересующихся кукольным искусством.

«Наш фестиваль авторской куклы – это, в первую очередь, радость для города. Ведь увидеть эти замечательные работы – редкая удача, это бывает возможно только за границей, на международной выставке. И то не всегда. Для меня лично большая радость, что у нашей страны появился шанс увидеть такие уникальные работы Зайкова, Туминской, Владлены из Латвии и многих-многих других», – рассказала основательница фестиваля и кукольный дизайнер Юлия Сорокина.

Лицом фестиваля стал российский художник и скульптор Михаил Зайков. Лица его кукол настолько реалистичны, что кажутся живыми.

«Глядя на работы этих великих мастеров, а лично я их таковыми считаю, потому что они популярны и очень востребованы, грузинским мастерам тоже

Авторские куклы из разных стран мира встретились на выставке в Тбилиси

хочется повторить подобное. А это поневоле требует каких-то усилий. Поэтому мы посещаем соответствующие мастер-классы. К примеру, таковым стал на фестивале эксклюзивный мастер-класс по лепке лица кукол украинской художницы Виктории Цейтельман», – отметила Сорокина.

По словам основательницы фестиваля ArtDoll, иностранные мастера в творчестве грузинских кукольников отмечают самобытность, непосредственность, легкость представленных работ.

«Наши мастера творят под девизом «Я что вижу, я как чувствую, то и делаю». И это прекрасно. Но что примечательно, понятие авторской куклы не подразумевает этнографической сути. Авторская кукла не привязана к каким-либо традициям, конфессиям. Это просто фантазия автора. Может стать что-то, как сейчас модно говорить, инспирацией», – признается Юлия.

Интересный факт: Грузия может гордиться особыми куклами – арт-объектами, как, например, у мастера Кети Дзидзигури. Но следующая после авторской куклы ступень – это кукла концептуальная, то есть весточка из постмодернизма, в которой важна не форма, а идея. Такого рода опыт у грузинских мастеров кукол еще впереди.

Отметим, что организатором фестиваля авторской куклы является объединение кукольников Грузии GeoDoll в партнерстве с Государственным центром фольклора, при финансовой поддержке Минкультуры Грузии, мэрии Тбилиси и Национальной администрации туризма. Вот кому стоит выразить благодарность за столь прелестный и далеко не детский восторг от кукольных шедевров.

«УВАЖАЮ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ!»

■ Инга БЕРИДЗЕ

Алена Бабенко стремительно влетела на пьедестал театра и кино и прочно заняла на нем свое особое место. Популярность пришла к актрисе после выхода знаменитой картины Павла Чухрая «Водитель для Веры» – Бабенко понравилась зрителям предельной обнаженностью чувств, искренностью и чистотой своей героини. И пошло-поехало: роли-роли-роли. Признание. У актрисы Алены Бабенко есть одно качество – она неузнаваема в каждой новой роли. Поэтому каждый раз происходит открытие новых граней ее многообразного таланта. Даже если это совсем небольшая роль – как в спектакле московского театра «Современник» «Три товарища» Э.М. Ремарка, который увидели тбилисцы.

– Алена, вы всегда неожиданны и интересны, даже в небольших работах. Иногда не сразу догадаешься, что на экране или сцене – Бабенко. Как вы относитесь к тому, что вам – первоклассной актрисе и звезде – иногда приходится играть роли второго плана?

– Наша профессия – зависимая. Я же служу в театре, не рассматриваю свою работу как работу, всегда говорю, что чувствую себя солдатом. Во-вторых, Галина Борисовна Волчек дала мне эту роль, и я счастлива хотя бы потому, что оказалась здесь, в Тбилиси, у друзей. Так получи-

лось, что спектакли, в которых я играю главные роли, не взяли на гастроли, и для меня участие в «Трех товарищах» – это самая счастливая возможность оказаться в Грузии. Потому что я люблю эту страну и потихоньку ее изучаю. И здесь живет мой сын Никита. И так совпало, что и его семья – тоже. Еще одно совпадение: в период гастролей у сына был день рождения, и я приехала как раз на этот праздник. Никита живет в другой стране, и я редко с ним вижусь. Раз в полгода, а то и раз в год. Каждой матери будут понятны мои чувства. В-третьих, я очень люблю спектакль «Три товарища», и, конечно, мне бы хотелось сыграть роль Пат, но...

– Вы подходите для этой роли.

– Я тоже так считаю и совершенно не стесняюсь об этом говорить. Но я не худрук театра и не режиссер этого спектакля, поэтому мне не выбирать роль.

– Да, это была бы неожиданная Пат. Не лиричная.

– Вообще в романе Пат постарше, чем главный герой Роберт. Но не хочу это обсуждать

– не мое дело. А по поводу неузнаваемости... Мне очень нравится меняться. Театр в этом смысле меня очень радует – здесь можно сотворить с собой что-то такое, в результате чего тебя не узнают. Остальное – спасибо родителям...

– Часто приходится слышать о том, что многое в судьбе артиста решает счастливый случай. Иногда такое утверждение даже раздражает, когда об этом говорят в связи с состоявшимися людьми искусства. Счастливый случай или все-таки нужно приложить особые усилия, чтобы добиться успеха?

– Я уважаю его величество случай. Встречу, которую ты не пропускаешь. Бывает так, что

поговорила с Волчек, и она сказала, что мечтала бы о том, чтобы я была актрисой этого театра. И уже через неделю я сыграла спектакль «Три сестры» и вошла в «Современник» в роли Маши. Буквально влетела в театр!

– Как и вообще в профессию!

– Я все время говорю, что есть рука, которая меня крепко держит и ведет по жизни. А я как маленький ребенок: «Ой, боюсь! Тут, наверное, не получится!». Очень сомневаюсь в себе, но при этом люблю учиться. А в нашей профессии, чтобы учиться, главное – преодолеть себя. Расширять границы, переступать через свои возможности, воспитывать себя. Для меня такой путь – в радость.

моей героини именно такая. Мы с Нееловой играем мать и дочь, Марина Мстиславовна играет знаменитого музыканта, которая всегда была где-то, дети росли без нее, а я – ее несчастную дочь с комплексами, молчаливую. Но для меня моя Ева – гений. Такой немножко, может быть, даже аутист. Она не может объяснить мир, который видит. Аутисты вообще видят мир по-другому. Для людей материальных, с развитой логикой это недоступно. А те, у которых сознание развито на нематериальном уровне, не могут это остальным объяснить. В этом – трудность. Мне кажется, Ева талантливее матери. Просто та не уделяла ей внимание. Есть живые, веселые, понятные дети, а Ева всегда была непонятной, закрытой. Родители должны уметь вовремя рассмотреть таких детей.

– Вам не мешал великий фильм Ингмара Бергмана?

– Впервые в моей жизни мешал. Обычно я не смотрю фильмы. А если смотрю, то не обращаю на них внимание, делаю свое дело, они на меня как-то не влияют. А тут, видимо, сыграла роль гениальность создателей! Меня постоянно преследовали картинки. Пока шли репетиции, я все время ощущала себя Евой. На интуитивном уровне. Очень мешал! Кстати, любопытная история. Говорят, Бергман, когда снимал фильм, занимался в основном ролью Ингрид Бергман, которая играла мать, а Лив Ульман – она выступила в роли Евы – совершенно не уделяла внимание. Она от этого страшно страдала. Когда я репетировала, то видела, что Неелова занимала все внимание, что-то предлагала, а я была где-то в стороне, в углу. И думала: «Это же надо было так совпасть – то, как снимался фильм, и наш случай!». Конечно, пьесу адаптировали. Нужно было сделать крупные планы, приблизить к зрителю. Мы переживали, что «Осенняя соната» не выдерживает театральной постановки. Ведь внутри много нюансов, которые далеко сидящим зрителям просто не будут видны. Хотелось что-то

«Водитель для Веры»

мы многое пропускаем, не замечаем. Но я не верю в случайность. Мне кажется, такое происходит, когда человек готов. Скорее, у меня такая версия. Я очень хотела в театр, у меня его не было, я переживала. К тому же у меня была неудачная история с другим театром – приглашали на главную роль в «Ленком». Не сложилось – это была очень трагичная для меня ситуация. И поскольку у меня характер неуверенного человека, я потеряла надежду и веру в себя. Веру в то, что могу быть актрисой театра. Но прошло время. Я пришла на спектакль «Три сестры» в «Современник», а потом

– Расскажите, пожалуйста, когда в последний раз пришлось преодолевать себя?

– В спектакле «Осенняя соната», где я играю вместе с Мариной Нееловой. Все-таки она величина! У меня огромное уважение к этой актрисе. Это же опять повод учиться. Что касается учебы, то у меня в ее процессе на все раскрываются глаза. А то, что рутинно, меня убивает... Репетиции «Осенней сонаты» были очень трудные, мучительные. Мне трудно было состязаться со знаниями, опытом, фантазией Марины Нееловой, вклинить свою историю. Но это были настолько точные репетиции! Суть

«Время женщин»

шептать, какие-то вещи говорить тихо, мы ставили какие-то «лягушки», чтобы поддержать звук, чтобы не нужно было напрягать голосовые связки. Иначе терялся смысл. Я очень люблю этот спектакль.

– И с Мариной Нееловой сразу возник контакт как с партнершей?

– Сейчас у нас полное взаимопонимание. Мы слышим, видим, возникло партнерство... Самое удивительное, что до того, как мне предложили эту роль, я увидела сон. На сцене стоит Марина Неелова, которая играет мою мать, а я – дочь. Все было где-то там, без меня сделано, понимаете? Это абсолютно моя роль – Ева. У меня в театре две роли, которые я чувствую и которые абсолютно приближены ко мне самой, – это Ева и Маша из «Трех сестер».

– Маша в чем-то близка Еве. Может быть, нереализованностью.

– Дело не в реализованности. Просто она отдельная личность. Для меня Маша – любовь... Когда она говорит: «Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде...», то имеет в виду не Москву, а конкретного любимого человека. То есть, подразумевается: «если бы я с вами была». Москва для нее – это любовь. Маша так придумала, это связано с несостоятельностью, потерянностью в жизни. Моя героиня не знает, кто она, пишет в своей книжке: «Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются, для чего звезды на небе... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трывтрава». Почти так же говорит Ева из «Осенней сонаты»: «Если бы произошло несбыточное... и нашелся бы человек, который бы меня полюбил такой, какая я

есть... я бы, наконец, отважилась всмотреться в себя». В каком-то смысле она аутист, который живет в мире, недоступном другим.

– Есть у вас еще одна замечательная театральная роль – Элиза Дулиттл. Вы не назвали ее в числе любимых.

– Что вы, Элиза Дулиттл – это была моя мечта! Я даже представить не могла, что мне дадут эту роль. Была уверена, что после Елены Яковлевой назначат какую-нибудь молодую актрису нашего театра. И когда мне предложили Элизу, я думала, что слишком взрослая для этой роли. И все-таки «Пигмалион» – немного другая история, это ввод. В «Трех сестрах» я все придумала внутри этого спектакля. То, как я чувствовала, проще было оправдать. А в «Пигмалионе» для меня много чужого. Если бы я репетировала этот спектакль с самого начала, то иначе бы многое делала, предлагала бы какие-то штуки. Так что мне сейчас неудобно рабо-

«Три сестры»

тать, и никогда не будет удобно. Саму роль люблю, а вводы ненавижу. Если это небольшая роль, как Роза из «Трех товарищей», еще ничего – можно как-то перенести. А когда большая – неизбежны проблемы. И мне сейчас очень сложно.

– Вы десять лет в театре «Современник». Какими были для вас эти годы?

– Очень насыщенными. Не помню, чтобы я отдыхала, чтобы у меня были перерывы. За три года набрала сразу шесть спектаклей репертуара! Галина Борисовна сразу доверила мне много работы. Она моя мать в театре. Сразу после Маши в начале сезона дала мне роль в спектакле «Бог резни» Ясины Реза. Я сыграла комедийную роль глупейшей блондинки. Потом молодой режиссер Егор Перегудов поручил мне сразу две роли в спектакле «Время женщин» – мать и дочь: одна – деревенская женщина, другая – художница. А еще сыграла

польку Ядвигу в спектакле «Враги. История любви» И.Б. Зингера в постановке Евгения Арье. С польским акцентом.

– Это были счастливые годы?

– Абсолютно. Стыдно даже говорить, что мне чего-то не хватает.

– В чем особенность режиссерского почерка Галины Волчек?

– Не понимаю, как она держится в наше сложное время театрального существования. Галина Борисовна категорически не придерживается принципа – ах, давайте всех удивим чем-то суперсовременным! Да, современные технологии – это нужно, очень хорошо, чтобы в театре было много возможностей. Но разговор одного человека с другим – это для Галины Волчек главный принцип. Никаких других принципов – только психологический театр, только диалог человека с человеком! Я в этом

смысле счастливая актриса. Потому что, кроме эмоций, которые существуют в театре, важна суть, смысл.

– А если вам предложили бы совершенно другую стилистику, вы бы хотели это попробовать?

– Если интересно, то да. Если бы меня отпустили в родном театре, я бы пошла, попробовала что-то новое. Я же актриса.

– Если предположить, что в современном мире есть музыка, живопись, скульптура, литература, а театра нет, чем бы вы занимались?

– Я бы снимала кино, пробовала рисовать, писать.

– Уже были попытки?

– Что-то пишу. Стихи сочиняю, какие-то маленькие рассказы. Нет времени этим заниматься. И все-таки написала сценарий, сняла уже фильм как продюсер. Надеюсь, когда-нибудь мне удастся привезти его в Тбилиси,

«Осенняя соната»

«Пигмалион»

я буду работать над этим. Есть знакомства, но нужно немного подождать. Я кино очень люблю... Но я бы поставила и спектакль, какой – не знаю пока. У меня есть крупный недостаток – я очень не уверена в себе. Я боюсь... Люблю, когда люди занимаются своим делом, делом, которому учились. И очень не уважаю тех, кто, например, начинает петь, а это у них плохо получается. Или выходят на лед.

– **Хотя вы сами выходили на лед в телепроекте «Ледниковый период».**

– Люблю фигурное катание,

но я же не говорю про себя: ого-го! Опыт интересный – артисты со спортсменами на льду. Но я не строю из себя фигуристку. Я просто с детства люблю коньки, до сих пор ими занимаюсь.

– **Вот такая одержимость профессией требует от вас каких-то жертв?**

– Постоянно. Я же не зря называю себя солдатом. Потому что ты себе очень многое запрещаешь. В жизни много интересного. Хочется и это сделать, и это успеть. Вокруг интересные люди, встречи. Но ты себе запрещаешь. И семья, конечно,

страдает. Но я стараюсь! Меня поставили здесь служить – я служу. С радостью.

– **Что для вас самое большое счастье и несчастье?**

– Самое большое счастье – когда в семье все живы, здоровы, благополучны, все живут в любви, устроены. Когда у всех есть кусок хлеба. И когда в семье нет конфликтов. Ненавижу, когда в семье конфликт!

– **А когда в театре конфликт?**

– Ничего страшного, когда в театре. А вот в семье – плохо. Поэтому в какой-то момент жизни я выполнила такую задачу – объединила всю семью. Не только ближайших родственников, но и двоюродных, троюродных, а еще дядь, тетя, внуков. Называется «государство Сибирь». Ведь мы все из Сибири. Общаемся, не теряемся. Знаем, у кого беда, у кого хорошее событие, кому нужно помочь. И это – счастье.

– **А самое большое несчастье?**

– Когда этого нет!

ВЕТЕРОК КУЛЬТУРЫ С БЕРЕГОВ НЕВЫ

■ **Алена ДЕНЯГА**

С 9 по 11 ноября в Тбилиси проходили Петербургские встречи. И прошли они «на ура». Всего три дня, но каких! Проекты, охватившие мероприятия для детей и подростков, педагогов-русистов и актеров театра, спектакли, кинопоказы. По сей день сохраняется ощущение праздника.

В свое время в 2001-2002 годах по инициативе Николая Свентицкого Российский центр культуры принимал гостей. Это был фестиваль «Виват, Санкт-Петербург!» к 300-летию города на Неве – тогда Тбилиси первым начал отмечать эту дату.

В нынешнем году формат иной, но не менее интересный. Программа Встреч составлялась чуть ли не за год до начала проекта. И несколько раз препевала изменения. Окон-

чательный вариант вместил в себя очень разные, но в равной мере интересные встречи, мастер-классы, лекции... И самое главное – это, конечно, человеческое общение.

Организаторы Петербургских встреч – Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга и Комитет по культуре Санкт-Петербурга при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова и Союза русской молодежи Грузии.

В информационном агентстве «Sputnik Грузия» прошел круглый стол «Вовлечение детей в концертную деятельность. Практический опыт» –

его провели директор Санкт-Петербургского музыкального лицея Виталий Романов, его заместитель по концертной деятельности Ирина Касацкая и учащиеся лицея. За время пребывания в Тбилиси лицеисты с педагогами побывали на экскурсии в Старом городе, Ботаническом саду, а также посетили Дом-музей композитора Захария Палиашвили.

Педагоги лицея дали музыкальный мастер-класс ученикам Тбилисского музыкального училища №2 им. Е. Микеладзе, а петербургские ребята выступили в концерте под названием «Музыка для друзей». Кроме того, в центре «Galleria» прошел открытый концерт учащихся лицея.

Союз русской молодежи Грузии курировал интеллектуальную викторину, специальным гостем которой стал Михаил Скипский, обладатель Хрустальной совы элитарного клуба телеигры «Что? Где? Когда?». Победители викторины получили в дар матрешек и книги о Санкт-Петербурге.

«Дон Кихот»

«Птифуры»

Тбилисцам, пришедшим на кинопоказы, выпала большая удача – познакомиться с известным петербургским историком кино и режиссером Александром Поздняковым, автором документального фильма «Герман. По ту сторону камеры» о режиссере Алексее Германе-старшем. У меня в руках книга А. Позднякова «Листья аканта», переданная в дар «Русскому клубу». Это настоящая энциклопедия, охватившая столетнюю историю «фабрики грез» под названием «Ленфильм» (с 1914 по 2014 годы). Зрители увидели

киноленты последних лет легендарной киностудии – фильм «Птица» режиссера Ксении Баскаковой с Иваном Охлобыстиным в главной роли и романтическую драму Виталия Мельникова «Поклонница», в которой роль Антона Павловича Чехова исполнил Кирилл Пирогов.

В стенах Тбилисского государственного театра им. А.С. Грибоедова проходили «Петербургские театральные мастерские». Мастер-класс по сценической речи вела заслуженная артистка России Валентина Виноградова, один из ведущих

специалистов Театра-фестиваля «Балтийский дом». На протяжении двух дней из конференц-зала театра, где проходили занятия, слышны были громкие восторженные возгласы артистов – творческий процесс проходил плодотворно, весело, шумно и радостно.

А художник по свету «Балтийского дома» Денис Солнцев поделился с грибоедовцами своими навыками по сценическому свету и оптимизации световой техники.

Три дня подряд педагоги-русисты Виктория Лужинская и Наталия Козловская проводили лекции «Роль и значение русского языка в современном обществе и мире» и «Особенности современного русского языка как иностранного». Пообщаться со своими коллегами и поделиться с ними опытом в Тбилиси приехали филологи и из других регионов Грузии.

Фотохудожница Дарьян Волкова представила выставку «Сказки петербургских парадных». Автор, сама бывшая балерина, выбрала интереснейшую форму – ее «модели» солистки русских и европейских театров балета на фоне прекрасных, овеянных флером старины парадных Санкт-Петербурга, смотрятся поистине сказочно. В ее фотоработах воздушность, изысканность и легкость.

Одним из самых запоминающихся событий в рамках Петербургских встреч стал показ на Большой сцене Грибоедовского театра спектакля балета Леонида Якобсона «Дон Кихот». Это новая версия постановки Мариуса Петипа, приуроченная к 200-летию со дня его рождения. Очень сложно передать эмоции от увиденного – хореография, исполнение на высочайшем профессиональном уровне, юмор, декорации, свет, – все это вместе оставило неизгладимое впечатление у тбилисского зрителя.

В рамках торжеств «Русский клуб» представил новую книгу «Золотые годы», изданную специально к Петербургским встре-

чам, о грузинских выпускниках Санкт-Петербургского университета – Илье Чавчавадзе, Акакии Церетели, Соломоне Додашвили, Иване Джавахишвили и многих других.

Тбилисский Колледж традиционного и современного искусства им. Серго Закариадзе гостеприимно принимал петербургскую гостью – художницу Ольгу Сорокину. Здесь прошли мастер-классы по декоративно-прикладному искусству «Роспись по дереву» и «Создание кукол-оберегов». Участниками стали взрослые и дети. Самой маленькой участнице было 5 лет. Ольга Сорокина перед началом занятий рассказывала присутствовавшим об истории декорирования посуды из дерева и других предметов быта, а на второй день – о русской традиции создания кукол-оберегов. У участников мастер-классов на память остались изделия, сделанные собственными руками.

В театре имени Грибоедова состоялся показ спектакля «Птифуры» театра «Кукольный формат «КУКФО». За несколько недель до визита в Грузию, этот спектакль стал трижды лауреатом премии «Золотой софит», а это высшая театральная награда Санкт-Петербурга. Художественный руководитель театра «Кукольный формат» Анна Викторова – ученица Резо Габриадзе. Анна работала с Мастером на спектакле «Песня о Волге».

Один из запоминающихся моментов спектакля – это сцена с участием актрисы-блокадницы Татьяны Дмитриевны Ионас по стихотворению Генриха Сапгира – «Про красную мышь и зеленую лошадь». По окончании спектакля из зала выходили дети и допытывались друг у друга: «А ты, ты видел красную мышь? А зеленую лошадь?..»

В программке спектакля читаем: «КУКФО» приглашает зрителей разных поколений посмотреть на старушек и старичков – маленьких, разных, очень привлекательных, похожих на знаменитые петербургские пирожные птифуры. Мы хотим

Фотовыставка Дарьян Волковой

Мастер-класс по сценической речи

объяснить не только подросткам, но и их родителям, как интересно дружить с бабушками и дедушками и как важно их любить и беречь...».

Комок в горле и мурашки, смех и слезы сопровождают зрителя весь спектакль ... «Птифуры» возвращают зрителю привкус детства. Со спектакля уходишь другим человеком – как бы просветленным, с чувством какой-то щемящей грусти и одновременно тихой радости.

Анна Викторова: «В театре

кукол нет границ... Театр – это оркестр, в котором каждый участник незаменим. Мы пробуем, экспериментируем, придумываем, мы живем и надеемся, что лучшие спектакли у нас еще впереди!»

К сожалению, все хорошее быстро заканчивается. Будем надеяться, что Петербургские встречи – это только первый шаг, и подобные проекты станут доброй традицией на берегах Куры.

«СВИДАНИЕ-КИНОРОМАН В ГРУЗИИ» Несколько страничек из блога

■ Левон УЗУНЯН

В Тбилиси завершился кинофестиваль «Свидание-Кинороман». Как сказал основатель и генеральный продюсер проекта Владимир Пирожок, фестиваль проводится шестой год подряд компанией «РК ГАЛЕРИЯ» при поддержке Министерства культуры Москвы и Правительства Москвы. В октябре 2018 года фестиваль прошел в Армении и Молдове, в ноябре к нему впервые присоединилась Грузия, в декабре присоединится Узбекистан.

Конечно, смотреть по четыре фильма в день немного тяжело, но все равно это было здорово. По крайней мере, смотришь современное российское кино сидя в кинозале, а не у экрана монитора.

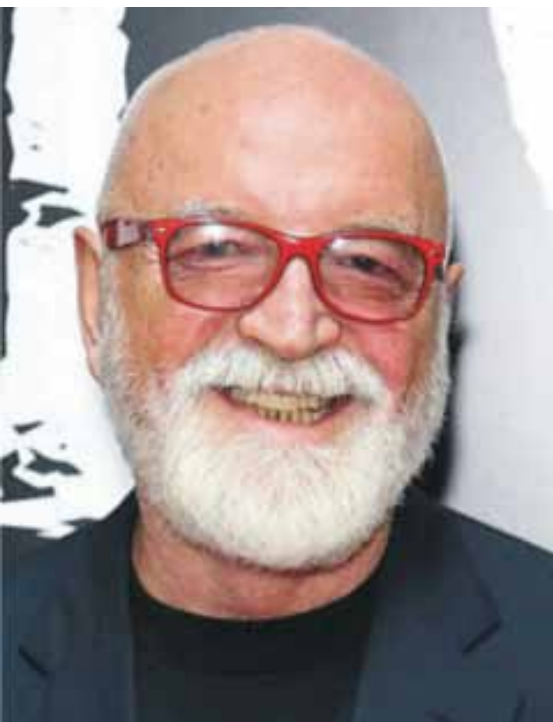
Итак, фестиваль завершен. Вот – небольшое резюме

этого трехдневного фестиваля. И раз уж это кинофестиваль, то и моя оценка увиденных фильмов будет «кинофестивальная» – с призами в разных номинациях.

Конечно, ярчайшей звездой фестиваля стал внеконкурсный («No Contest») показ фильма «Пловец». Я смотрел этот фильм тридцать лет назад в небольших кинозалах, но картина и сегодня не потеряла своей значимости. Это фильм на все времена. И сейчас тема сопоставления своей жизни с примером жизни предков является одной из основных тем в искусстве (тому подтверждение – все фильмы фестиваля). Великий мастер, живой классик кино Ираклий Квирикадзе еще раз преподавал мне урок настоящего Кино. Bravo, Ираклий Квирикадзе! Bravo, maestro!

«Приз зрительских симпатий» («Audience Choice Award») от меня получил детский полнометражный анимационный фильм «Два хвоста» (режиссеры Виктор Азеев и Наталья Нилова). Это очаровательная и очень красочная история о невероятных приключениях двух друзей – Кота Макса и Бобра Боба не может оставить равнодушными ни детей, ни взрослых. Эта лента еще раз доказывает, что в основе хорошего фильма всегда лежит хороший сценарий, и поэтому мой абсолютный respect автору сценария Василию Ровенскому.

Я люблю фантастику и, узнав, что в программе будет «Черновик» по роману Сергея Лукьяненко, не раздумывая отложил все свои дела и отправился смотреть эту кар-

Ираклий Квирикадзе

тину. Смотрел от начала и до конца. Досмотрев, понял, что зря потратил время (а точнее – потерял время). Надо было очень постараться, чтобы так беспощадно исковеркать замечательный роман. Матрешки-пулеметчицы на фоне Московского Кремля безжалостно «расстреляли» роман Сергея Лукьяненко. Жаль, что автор «Дозоров» и «Лабиринта отражений» предстал перед любителями кинофантастики в таком неприглядном виде. От меня фильм Сергея Мокрицкого по-

Кадры из фильма «ВМаяковский»

«Пловец»

лучает приз «Неоправданные надежды» или, как говорят в Голливуде, «Golden Raspberry Awards» («Золотая малина»).

К сожалению, «Золотую малину» получает от меня и фильм Дмитрия Суворова «Первые». Говорю с сожалением, потому что ожидал намного больше, чем увидел. Никак не мог себе представить, что режиссер «Одноклассник» может снять такую скучную картину на такую интереснейшую тему. Неужели режиссер не зачитывался романом Вениамина Каверина

«Два капитана»? Неужели такие нетленные шедевры, как «Красная палатка» и «Земля Санникова» оставили Дмитрия Суворова равнодушным к этой теме? Очень жаль, что равнодушные режиссера передалось и мне, сидящему в зале зрителю.

Очень жесткий фильм режиссера Сарика Андреасяна

Александр Шейн

Константин Хабенский

«Непрощенный». Жесткий и тяжелый. И если бы не уникально сыгранная роль Дмитрия Нагиева, то этот фильм не имел бы никакого зрительского успеха. Без Нагиева фильма нет! На сегодняшний день Дмитрий Нагиев – один из сильнейших актеров России. Я могу еще долго говорить о картине, но в итоге все мои слова будут не о фильме, а об актере Нагиеве. Фильму от меня третье место – «Bronze».

Я не очень люблю смотреть художественные фильмы на спортивную тему, они все предсказуемы и в основном завершаются или очень хорошо, или очень плохо. Не отличается особой оригинальностью и фильм Антона Мегердичева «Движение вверх». Но тут же не могу не признать, что фильм сделан очень профессионально. Эмоциональный фон картины выверен практически посекундно и настолько точно, что заставляет зрителя вместе с героями фильма кричать и радоваться победе наших баскетболистов. Да, именно НАШИХ, ибо в эти два часа экранного времени я вновь почувствовал себя в СССР. И вновь, как 46 лет назад (тогда я еще учился

в восьмом классе), я сидел и орал в кресле, и болел за СВОИХ. Фильм не только о событиях Мюнхенской Олимпиады 1972 года, но и о времени со всеми мельчайшими подробностями от костюмов героев до баннеров на улицах. Фильм от меня удостоивается второго места – «Silver».

Первое место и Золото («Gold») от меня – фильму Константина Хабенского «Собибор». И хотя я видел немало фильмов о жизни залеченных в немецких концлагерях, этот фильм меня тронул за живое. Почему? Наверное, потому, что это фильм о любви, о верности, о благородстве, о справедливости, о доброте, о вере, о надежде и снова о любви. Это фильм о том, как прекрасен человек, который несет в себе божественный свет, и как уродлив тот, который погасил в себе этот свет. Лейтенант Александр Печерский у Хабенского – это не супермен с накаченными мускулами, а совершенно обычный, хилый солдат, но когда от него зависит жизнь заключенных Собибора, он становится настоящим героем.

Самое главное событие фестиваля – фильм Александра

Шейна «ВМаяковский». Очень неординарный фильм. Это некая кинотерапия. Актеры (очень хорошие актеры) на экране репетируют сцены будущего фильма, репетируют без грима, репетируют в гриме, репетируют, пьют кофе, много курят, снова репетируют... Вдруг я четко ощущаю себя участником этого процесса... Вдруг на моих глазах Колокольников, Хаматова, Миронов, Ефремов становятся Маяковским, Лилей Брик, Мейерхольдом, Троцким и Аграновым... Меня заставляют жить в мире Маяковского, заставляют ощутить на себе его любовную, творческую и человеческую драму. Как инъекцию, меня вводят в вену поэта, вводят в ВМаяковского. И вновь читка сценария, и вновь репетиция... А фильм еще не начался, фильма еще нет... Есть документальные кадры. Кадры хроники, стихи, фанерные декорации, сигаретный дым и капли крови. Конечно же, это кинополотно от меня заслужило Grand Prix!

Итак, фестиваль завершен. Спасибо организаторам за этот трехдневный праздник! Приношу свои извинения тем, кого могли обидеть мои слова. Это всего лишь мое мнение.

ЮБИЛЕЙ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

12 декабря 1928 года родился Чингиз Айтматов – писатель-мыслитель, писатель-гуманист, автор «Плахи» и «Пегого пса, бегущего краем моря». Произведения писателя издавались в мире более 650 раз на 150 языках. Он также возглавлял Посольство СССР в Люксембурге, а после распада Союза служил Послом родного Кыргызстана в странах Бенилюкса. Скончался 10 июня 2008 года в больнице немецкого города Нюрнберга.

Владимир Губайловский: «Он родился в кишлаке Шекер в Киргизии. Его писательская судьба была счастливой, а взлет стремительным. Когда ему было 35 лет, его книга «Повести гор и степей» была удостоена самой престижной в Советском Союзе Ленинской премии. Слава Айтматова росла. Он был удобен власти, в частности потому, что стал воплощением мифа о том, что малые народы и культуры при советской власти процветают. Но нельзя сказать, что слава Айтматова была незаслуженной. Его книги «Белый пароход» или «Пегий пес, бегущий краем моря» по-настоящему хороши. Роман Айтматова «И дольше века длится день», можно сказать, закрепил за ним статус живого классика. Роман вышел в 1980 году, и трудно было предположить, что это последний настоящий успех

писателя. Самый шумный роман Айтматова «Плаха» вышел в 1986 году и стал одним из знаков перестройки, но сама книга не выдержала проверки временем. Практически все творчество Айтматова связано с журналом «Новый мир», и скромные «новомирские» редакторы сделали очень-очень много, чтобы читатель увидел Айтматова таким, каким он стал».

Расул Гамзатов: «Чингиз Айтматов – талант мирового звучания, достояние всей советской культуры. Но он – киргизский писатель, и он выразил душу своего народа куда ярче и точнее, чем иные, держащиеся за традиции, как за маскировочный халат».

Фазиль Искандер: «Чингиз Айтматов был один из лучших наших прозаиков. Достаточно долгое время он писал и имел огромную аудиторию. Такие его произведения, как «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Первый учитель» читались буквально всей читающей страной, и он был один из самых любимых писателей. Он сочетал в себе прекрасное знание среднеазиатской жизни и соединил это с русским языком достаточно свободно и достаточно уверенно. Насколько я знаю, его произведения переводились и на европейские языки и были там любимыми».

Международная организация тюркской культуры объяви-

ла 2018-й – годом киргизского писателя Чингиза Айтматова. В течение этого года проводились различные мероприятия в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и Турции.

Писатель из далекой Киргизии вошел в ряд классиков современной литературы. Юбилей отмечали по всему миру.

В Минске, в парке, названном в честь киргизского писателя, был установлен памятный знак Ч. Айтматову; в Санкт-Петербурге была открыта выставка, посвященная юбилею – авторы скульптур, картин и графики создавали работы, основываясь на впечатлениях от творчества выдающегося писателя; в Ташкенте одной из центральных улиц было присвоено имя Ч. Айтматова.

В Кыргызстане же стартовал литературный флешмоб «Мир читает Айтматова». Акцию приурочили к 90-летию со дня рождения выдающегося писателя. Нужно отметить, что к литературному флешмобу присоединилась и Грузия. Актеры театра им. А. Грибоедова Карина Кения, Инна Воробьева, Слава Натенадзе, Иванэ Курасбедиани прочитали фрагменты из произведений Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», «Плаха», «Тополек мой в красной косынке». Отрывок из романа «Плаха» в переводе Акакия Брегадзе прозвучал на грузинском языке.

Екатерина Медичи - «Черная королева»

МОДНИЦЫ ЛЮБЯТ НОВИЗНУ

■ Анастасия ЭРИСТАВИ

Особый праздник, к которому готовятся обдуманно и с удовольствием, – Новый год. И если большинство женщин (это статистика, а не выдумки автора статьи), думают о том, как убрать квартиру, какие блюда приготовить к новогоднему столу и как их украсить, то определенная часть представительниц прекрасного пола занята поисками новых нарядов и размышлениями о том, как и в чем они замечательнее других будут выглядеть в новогоднюю ночь. Что может быть лучше подобных забот! А вот забота «Саквояжа...» – рассказать о тех людях в истории человечества, которых сегодня называют трендсеттерами. Сногсшибательный термин, которым обычно пользуются в модной индустрии, означает инноваторов, то есть тех, кто устанавливает направление, кто в воздухе своего времени улавливает модную тенденцию, является законодателем или,

если угодно, родоначальником тех или иных трендов. А термин этот вошел в лексикон с легкой руки французского социолога Габриэля Тарда.

Сегодняшним трендсеттерам есть на кого равняться. Легендарная Коко Шанель перевернула мир моды. Когда говорят о ней, вспоминают прежде всего маленькое черное платье и духи «Шанель N5». Марлен Дитрих всю жизнь задавала тон в одежде, имела собственный неповторимый стиль, по праву заслужила звание законодательницы моды и иконы стиля для будущих поколений. Но ведь и до этих необыкновенных дам, очень и очень задолго до их креативности, были женщины, о которых не так уж часто вспоминают. А между тем многие сегодня даже не подозревают, что жена египетского фараона Ахенатена Нефертити примерно в 1300 году до нашей эры красила ногти в ярко-крас-

ный цвет. А Клеопатра написала несколько научных трудов, посвященных косметике, и издала первый в мире справочник с рецептами ухода за женским телом, волосами и ногтями.

Но выясняется, что за 300 лет до рождения этой на редкость умной и энергичной дамы была Некто (к сожалению, имя ее неизвестно), у кого можно было научиться, выражаясь современным языком, азам гламура.

В одном из алтайских курганов в древнем захоронении, которому около 2400 лет, ученые обнаружили останки знатной особы. На ее груди лежало элегантное украшение – ожерелье из яркого цветного стекла. Как предполагают историки, внешне украшение очень похоже на то, которое любила носить и царица Клеопатра. Ожерелье выполнено в так называемой технике миллефиори, название которой с итальянского переводится как «тысяча цветов». По мнению специалистов, эту технику изобрели мастера в Фивах еще в XVI веке до нашей эры. Этот город в те времена был политической и культурной столицей Древнего Египта. Поэтому весьма вероятно, что на Алтай уникальные бусы в свое время попали именно из Египта. Историки считают, что у египтян со скифами, населявшими территорию Алтая, были давние торговые контакты, а украшения являлись одним из самых популярных предметов торговли. Они не занимали много места при перевозке, имели неограниченный срок хранения, при этом высоко ценились. А ведь можно допустить, что 25-летняя (ученые определили ее возраст на момент гибели) хозяйка бус могла бывать в Египте, ведь скифы-кочевники совершали далекие походы на запад, доходя до Красного моря и далее. В таком случае можно предположить, что ожерелье было настоящим трендом, и скифская принцесса, как назвали ее археологи, вполне могла ввести моду на ношение вызывающе ярких изделий из стеклянных бусин.

Древняя красавица с маникюром

Для модниц, которые любят бижутерию и яркость цветов, наверно, будет приятна вот такая мысль: с древнейших времен мир радикально меняется, а желание женщин выглядеть красиво постоянно и неизменно.

А в XVI веке уже нашей эры на свет появилась Екатерина Медичи, которая вошла в историю под именем «Черной королевы». Ее помнят как зачинщицу страшной Варфоломеевской ночи. Но Черной королевой ее назвали вовсе не из-за этого и других преступлений, а потому, что она ввела символом скорби черный цвет. До нее трауром считались одежды белого цвета. Она по полному праву может именоваться главной законодательницей мод не где-нибудь, а именно во Франции. Екатерина Медичи ввела моду на каблуки. Она была маленького роста и заказала своим соотечественникам – итальянским обувщикам (кому же, как не им) туфли на очень высоких каблуках.

Так что сегодняшние модницы, наряжаясь к празднованию Нового года и подбирая туфли к своим нарядам, будут знать, что первой королевой, распро-

Клеопатра и Цезарь

странившей и во Франции, и за пределами страны моду на каблуки, была Екатерина Медичи.

Вспомнив итальянцев, нельзя не сказать о том, что именно Древний Рим привнес в парикмахерское дело первые щипцы для завивки. Именно римляне ввели в обиход холодный способ укладки волос при помощи появившихся к тому времени бигуди. Им был также известен метод осветления волос с по-

мощью щелочного мыла. Щелочное мыло давно вытеснили современные средства осветления волос, но бигуди остались до сих пор...

А теперь необходимо сказать о мужчинах – законодателях женской моды. Справедливости ради заметим, что их, работающих в этой сфере, ярких, по-настоящему креативных, намного больше, чем женщин. Но первым, кто ввел в оборот выражение «от кутюр» был англичанин Чарльз Ворт. 11-летним мальчиком Чарльз покинул родной дом и уехал в Лондон. Талантливый и трудолюбивый подросток нашел работу в фирме, торговавшей тканями и предметами дамского туалета. Это был первый шаг Ворта на пути постижения секретов моды и коммерции. Затем он перешел в галантерейный магазин «Сван энд Эдгар». Вот интересный штрих к его характеру. Он постоянно учился, его интересовало все, что могло иметь отношение к

Алтайская принцесса

Этим бусам в технике миллефиори 2400 лет

Марлен Дитрих - икона стиля

избранной им профессии. Ежедневно он бывал в Лондонской национальной галерее и зарисовывал костюмы с картин старых мастеров. В восемнадцать лет он отправился в Париж. И вот приказчик самых известных тогда модных магазинов фирмы «Гажелен-Опижес», в самом центре торговли элегантностью Парижа, вступил в мир моды. У Гажелена Ворт проработал 12 лет, пройдя путь от мелкого служащего до компаньона. Он очень много работал: рисовал, проектировал, фантазировал. Однако ушел из фирмы, так как здесь не поддерживали его нововведений. Его до сих пор называют незаурядным художником по костюмам. Его жена Мари-Августина Берне помогала мужу в рекламе не только его эскизов, но и нарядов. Поэтому историки моды называют ее первой манекенщицей.

Именно с ее подачи костюмами Ворта заинтересовалась жена австрийского посла Клеменса Меттерниха Паулина де Сандор, очаровательная и очень элегантная, задававшая тон в парижской моде. Этой

Чарльз Ворт - король модельеров

самой «французской из посланниц» необычные эскизы Ворта понравились. На балу в Тюильри ее кринолин из тюля с серебряной вышивкой и украшенный букетами маргариток вызвал интерес у самой императрицы Евгении и... на следующее утро Ворт проснулся знаменитым. Он стал «личным портным и поставщиком двора Ее Величества». С тех пор Чарльза Ворта именуют королем модельеров и модельером королей. Его принято считать Первым кутюрье

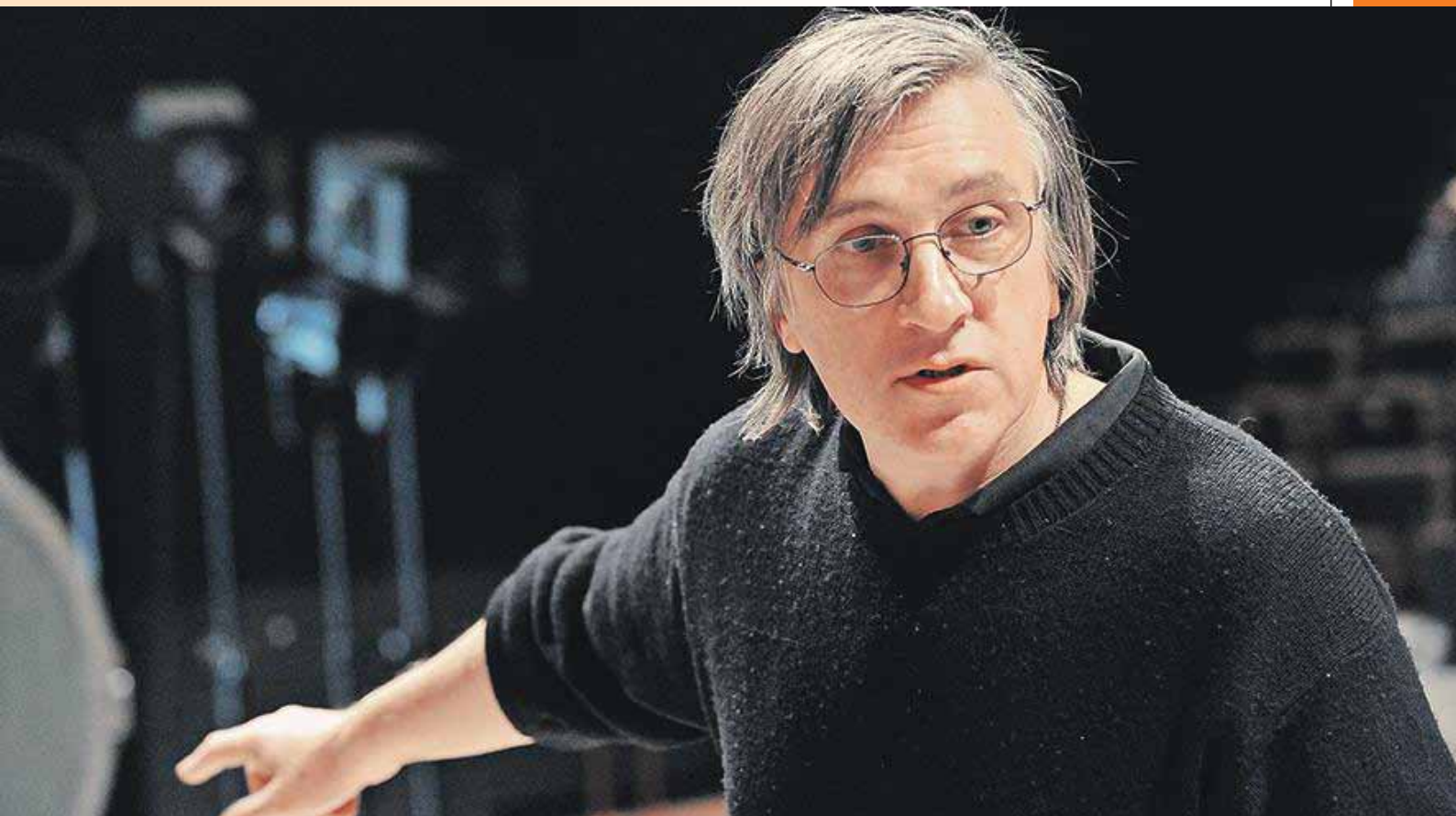
Одри Хепберн в платье от Шанель

в истории Высокой Моды. Для него, сумевшего соединить великолепную английскую технику шитья с французским шиком, было создано слово «кутюрье». Ворт был первым, кто понял, как стать звездой. Ежегодно он представлял новую коллекцию и таким образом сделал моду изменчивой. Вместе с сыном богатого шведского финансиста Отто Густавом Бобергом Ворт создал первый модельный дом – Дом моды в Париже в 1857 г. Этот Дом покорила весь мир и просуществовал около 100 лет! Эмиль Золя увековечил его в своих романах «Дамское счастье» и «Западня».

До сегодняшнего дня французская империя моды От Кутюр во многом обязана своим становлением Дому моды и является достойным памятником Чарльзу Фредерику Варту и его наследникам.

Все первое, если это талантливо, как правило, не исчезает. Только время от времени стоит напоминать о тех, кто был первым, кто создавал, направлял, придумывал и фантазировал. Новизна, которая сопровождает мир моды, делает жизнь многообразнее и ярче. Модницы особенно любят все новое и интересное. А выбор стиля, нарядов, причесок, обуви, аксессуаров – за прекрасной половиной человечества, за каждой из нас.

Дмитрий Крымов

СВЕТ ПОНИМАНИЯ

■ Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

Дмитрий Крымов – серьезное имя в театральном пространстве не только Москвы, но и России. Художник, сценограф, режиссер, педагог, основатель и руководитель лаборатории Школы драматического искусства. В Тбилиси Д. Крымов недавно приезжал с гастрольным спектаклем по пьесе Островского «Бесприданница»! Вот интересно: Д. Крымов объяснил, о чем «Бесприданница» Островского!

В советской юности пьеса была школьной обя- заловкой. С единственным тревожным сигналом – любовь опасна для жизни!

В молодости, пришедшейся на период тоталь- ного советского дефицита, фильм Э. Рязанова давал мне единственный посыл: богатые мужчи- ны (читай: номенклатурные работники) – отврати- тельны и смертельно опасны!

Надо было прожить жизнь, чтобы благодаря Крымову заинтересоваться пьесой.

Хотя Крымову это все равно! Крымов сорев- нуется сам с собой и этим увлечен.

С первого взгляда понятно, что сама сцена без спектакля – уже философская инсталляция для музея современного искусства. Очень длинная вешалка с множеством пальто, которые то веша- ют, то снимают, а то они падают. Как это быва- ет у каждого из нас – надели плащ, повесили на вешалку, сняли, надели пальто, повесили, сняли, спрятали в нафталин – прошел год!

Повесили детское пальтишко, сняли, повесили стильную кожаную куртку, сняли, повесили до- рогое шерстяное пальто, сняли, повесили старое пальто – прошла жизнь!

Чтобы понять, где прошла жизнь, сценограф разместил экран-окно с неизменным речным пейзажем, а перед ним стулья. Периодически экран превращается в плазменный телевизор, по которому идет самый успешный матч российской футбольной сборной. Он сменяется балетными кадрами «Лебединого озера». Оглушительно зву- чит гимн Советского Союза. Люди-тени входят, вешают пальто, садятся смотреть телевизор, стоя слушают гимн, берут пальто, уходят. Так идет жизнь страны. Понятно какой – России. Не ме-

Сцены из спектакля «Безприданница»

няется только пейзаж за окном. Впрочем, как и жизнь.

Есть еще уточнение. По сцене ходит огромная белая курица, а гомосексуалист в женском белье не бравивирует своей неординарностью, а прячется в кулисах. Всем понятно – это провинция любой цивилизованной страны.

Это пока все без пьесы. Пьеса пока не нужна, так как есть опасность, что флакон может оказаться интереснее духов.

Не у Крымова! Юная Лариса. С фальцетным визгом вместо пения. Трогательная и абсолютно беззащитная. Прыгающий с подплывающего корабля, но не умеющий плавать Паратов. Буйный, дерзкий, голый.

Трудолюбивый и бережливый до отвращения Вожеватов, забивающий подметку в туфлю прямо на ногу невесты. Типаж школьного тихони, который однажды берет автомат и расстреливает свой класс.

Хромой злобный Мокий Кнуров в волочащейся по земле шубе – концентрированный образ всех старых извращенцев. И

два шедевра Крымова – мама Харита и алкоголик Робинзон. Харита Огудалова в борьбе за устройство жизни своих дочерей потеряла пол и превратилась в бойца без правил. Давно себя не контролирующая, она то и дело обращает женские аксессуары в оружие.

Самый уравновешенный персонаж – алкоголик Робинзон, проходящий лечение по системе «12 шагов». Увы, он

единственный в состоянии продолжать диалог в этом театре абсурда.

Действие на сцене бьется в треугольнике между вешалкой и экраном телевизора.

Так о чем же «Безприданница» Крымова? О вечной схеме Мама – Дочка – поклонники – женихи – Внуки. И все сначала! Чтобы мир существовал и развивался, цепочка должна доходить до последнего звена. А

страсти вокруг всегда одинаковые...

Кто не увлекался юными девами? Какой старик не хорохорился при виде хорошенькой фигурки? У какой девушки не было верного, но нудного поклонника? Кто не влюблялся в красавчика-хулигана? Какого хулиганистого красавчика нельзя было купить за большие деньги? Какая брошенная влюбленная девушка не хотела покончить с собой (смотрите ста-

тистику эмердженс)?

И какая мама юной девушки не хотела взять палку и отдубасить жениха, издевающегося над влюбленной дочерью?

Своим удивительным языком Островский описал вечный сюжет полтора века назад. Он шокировал публику и начал в обществе разговор о том, что было актуально для его времени. Женское образование – как один из способов избежать трагедию. Бестужевские женские

курсы открылись в том же году, когда и вышла книга. Чем не грандиозная реклама курсов?!

А что в Островском актуально сегодня?

У Крымова на сцене две кульминации, а заодно и объяснение трагедии. Вопль матери: «Мы люди бедные, нам унижаться всю жизнь». И срывающийся в визг, крик брошенной девочки: «Мама!», оставшийся без ответа. Но главное: посмеивающийся до этого момента зал напряженно замолкает и готов сорваться с места и бежать на помощь девочке.

Мы действительно застряли в своей жизни между вешалкой и телевизором! Мы действительно не слышим своих детей! Мы действительно унижаемся из-за денег! Мы действительно похожи на некоторых гротесковых персонажей, и что ужасно – считаем это нормой! Но мы точно не хотим в своей жизни только успеть повесить и снять пальто перед тем, как уйдем!

Спасибо, Крымов, мы Вас услышали!

ГОРОД

Из книги «Путешествие из России. Империя в четырех измерениях. Третье измерение»

■ **Андрей БИТОВ**

Фото Александра Сватикова

Ушел из жизни Андрей Битов – крупнейший русский писатель, мастер интеллектуальной прозы, лауреат Государственной и Пушкинской премий, президент российского Пен-центра. Писатель много раз бывал в Грузии, которую искренне называл «территорией любви». Его «Грузинский альбом» – дань этой любви.

Вот – город! Он большой и маленький.

В этом едва ли не главная его прелесть. С одной стороны, все у него есть, что у города-спрута: и миллион жителей, и метрополитен, и трафик, и индустриальная окраина, и климат, как ни странно, для такой обетованной страны не самый

лучший, с некоторой воздушной злокачественностью; с другой – ничего этого нет. Вы сворачиваете...

И за углом этот город напоминает дерево, гнездо, улей, виноградник, этажерку, стену, увитую плющом. Он напоминает один разросшийся этажами, флигельками, надстройками и

галереями дом, как каждый его дом – по-своему город. Каждая веточка его не окончена в том же смысле, как и живая ветвь, которая имеет почку, которая – растет. Вы не можете быть уверены, что в доме этом не прибавится еще балкончик, или еще лесенка, или еще чердак у чердака: то ли вы вчера его не заметили, то ли его надстроят завтра. И если вы кликнули со двора приятеля, и он вам ответил «Иду!», то еще три раза он исчезнет и мелькнет, оказываясь то слева, то справа, то на лесенке, то еще на каком балкончике, прежде чем ему удастся спуститься вниз, стать перед вами и пожать вашу руку, скорее всего подозревая, что вам от него ничего не надо. А если два литра белого вина заменят вам ночное зрение, то как же вы заблудитесь на этих ветвях, понимая, что вам надо было подниматься не по той лесенке, а по обвивающей ее, как лоза, но в другое окно приводящей. Ах, пардон, калбатано, я не к вам. Пардон, пардон, вы мне снитесь: эти лесенки не обрываются, запутывая ваши марши, – они просто ведут не к вам.

Вот, как бы из-под дома, пробивая асфальт, раздвигая камни, за высокой и узкой решеткой возрос сад на площади в один человеческий след... потянулся вверх своим могучим, не способным устоять стволом; дотянулся до карниза, уцепился, пошел в стороны; затянул стену, затянул окна, балкончик затянул; усики его повторили завитки балконной решетки; он увил балкон, женщину, вышедшую на балкон полить свой цветок, обвил носик наклоненного в ее руке чайника; удержал в своих изгибах и поворотах время, как в сетях, – оно запуталось, остановилось, застряло; и девятнадцатый век, и дома в нем, и люди в домах, комнаты в помещениях, и те, кто там тихо бродит в прохладе и не высовывается... И уже не виноград разросся по стене дома, не виноград цепляется за эти обреченные стены, а стены повисли на мощном его

вырождении и держатся лишь тем, что когда-то его поддерживали, памятью тех, кто в них жил когда-то, содержа в хрупкой своей скорлупе образ той любви, что называется родиной.

Вода пролилась за цветок, водопадиком, тоненькой струйкой, пересекла улицу – из-за угла вышли три беспечных господина: один высокий, с узкой головой, в усах и кепочке; другой – в ватнике, похожий на Пушкина; третий – грач в пиджаке... – нисколько не удивились на то, что я не такой, как они, прошли сквозь меня; их неровная, чуть веселая песня еще долго спускалась, петляя, вниз и казалась уже совсем иссякнувшей, как вдруг, благодаря новому повороту улицы, опять меня достигала.

Окликнуть их разве, остановить? Потому что если они еще пройдут с полкилометра, то вдруг вывалятся на асфальтированную улицу с лампами дневного света, ослепнут, попадут под троллейбус, мало ли что...

А может, сами свернут вовремя, сам собою подойдет им

под ноги своими коварными ступеньками духан, вдохнет в себя и снова не выдохнет. Потому что откуда же появились вот сейчас мне навстречу, откуда же выползли на свет, как не из вчерашнего дня, проспав свой век? Положительно, они не дойдут до улицы имени великого поэта, не будут они долго торговаться и выбирать и удовольствуются тем, что предоставит им в двух шагах случай.

Вы всегда успеете свернуть ровно накануне такого впечатления, которое уже могло и подавить вас своей убедительностью или последовательностью. Вряд ли еще где-нибудь можно найти такие уютные переходы для обветшалой или изношенной психики, как в этом городе. В нем вы не сойдете с ума, в него поместится и ваше сумасшествие. В этом городе еще сохранилось место для городского сумасшедшего, всеобщего любимца и баловня.

Этот огромный город бесконечно сбудется для вас. Он будет сбываться, как пожелание, как сон, – за каждым пово-

ротцем. Вы всегда окажетесь в пространстве малом и уютном, чтобы обернуться и увидеть даль и гору. И этот постоянный выход в новое, чуть в то же время прежнее, пространство успокоит, утешит, умиротворит.

Город повиснет на левом отвесном берегу мыльной широкой реки действительно как гнездо: балки и балкончики будут торчать за край, как прутьи гнезда. Он плавно и вечно поползет вверх по правому пологому берегу, обвивая ближние склоны, как виноград, и какие-то листья будут крупнеть, темнеть, грубеть, какие-то желтеть, краснеть, какие-то свежее зеленеть, и весь этот коврик будет – город. А сверху он предстанет как этажерка, как один разросшийся спичечный коробок: полочки, терраски, лесенки, галерейки будто соединят дом с домом, – все это скрепит то ли общее дерево, которое, растя в одном дворе, нависает над другим, то ли общий виноград, перекинувшийся с балкона одного дома на балкон другого... Все разрослось, запуталось, срослось

– все это живо.

Вы бредете по нему, ничего не предполагая, как в лесу. Однообразие и постоянное изменение, неоткровенность закона – дерево. И это неутомительное однообразие, незаметное разнообразие – этот живой ритм – город начинает совпадать с вашим дыханием, пульсом, шепотком крови. Но даже если сумеете что-нибудь еще пожелать от жизни (как от избытка любви можно хотеть любви еще и внутри взаимности), то и блажь может сбыться в этом городе, тут же, за поворотом...

Мы свернули с улочки, на которую нам как бы не удалось

попасть... Как пояснить?.. Мой приятель хотел мне показать живопись одного художника, и я стоял, рассматривая домик за решеткой, садик, заросший какими-то лопухами, с сухой неровной чашкой недействующего фонтана, погруженной в траву... Я так стоял и переминался, пока мой друг пропадал внутри, договариваясь о визите. Но вот он вышел наконец, сокрушаясь: вдова художника оказалась больна и не могла нас принять. Подобного рода неудачи вдохновляют меня – мы свернули с улочки, на которой не побывали, и попали на еще более удивительную и небывалую. Она ух-

дила из-под ног влево и вверх как взмах, именно как жестом руки наведенная. Булыжник, травка между камнями, домик с лесенкой посередине на второй этаж; человек, несущий связку веников... – все здесь было устроено, как в чистой душе праведный отдых... Вот только доска с названием улицы показалась мне как бы лишней. Такая, с современным вкусом, литая доска с пояснительным текстом. Буквы были хотя и грузинские, но даты – мои. «Вот только эта доска и лишняя, – сказал я приятелю восхищенно, – сними ее – и времени не прошло». И тут же вышел мрачный и небритый человек, оставив толстую жену в окне, с выражением на лице как после крика, примерился и, содрав доску гвоздодером, скрылся в доме с нею под мышкой. Жена что-то кричала нам в спину. Приятель мой смеялся: «Вот видишь...» – «Неужели?!» – сказал я. «Ей надоело, что все в ее окна заглядывают...», – ответил он.

Такой город. Таким он вырос, таким он был до сих пор. Все ли в нем благополучно насчет коммунальных удобств? Достаточно ли теплых туалетов и горячей воды? Безопасен ли он в противопожарном, так сказать, отношении? Нет, нет, тыщу раз нет. Его необходимо снести весь до основания, а затем... Другого выхода из него нет.

Если вы хотите и сейчас видеть город таким, каким он был всегда, то теперь это возможно только из трех точек...

Хорошо поселиться в центральной высотной гостинице, которую слишком видно отовсюду, – зато с ее высокого этажа замечательно ее не видно: город разбрелся вокруг гостиницы, как коза по лужку – на длину веревки. Отовсюду вы увидите этот кол, лишь только выйдете из гостиницы и обернетесь.

Так же хорошо смотреть на город сверху, поднявшись на гору, где стоит дюралевая тевтонская мать с мечом. Вы увидите этот дивный, просыпавшийся из-под вас город в

синеватом табачном дымке. Отсюда, столь уж сверху, даже высотная гостиница не покажется такой уж большой. От переизбытка чувств вы задерете голову и увидите над собой клепаные ноздри алюминиевой женщины; как раз над нею прочертит небо Ту-104, ее брат, равный ей по росту.

Хорошо было бы проверить и еще одну точку, хоть сам я этого не успел. Надо перейти на левый высокий берег, подняться на утес к монастырю, повисшему над рекой, встать возле недавно воздвигнутой под ним лошади, на которой, с мечом же, простирала руку очередной, еще более древний, чем прежде, основатель города, и глянуть вниз на место, где наконец-то снесли злокачественные трущобы, где будут сквер и пионерский бассейн. Это будет вид на город, в котором поместится все, кроме лошади, — я такого не видел.

Я бродил там, вниз, по снесенному курятнику, по свалке

кирпича, тряпья и консервных банок, отшвыривая носком своего ботинка другой стоптанный ботинок, бродил, как выразились бы археологи, по современному культурному слою и слушал рассказ о том, какие тут еще недавно уживались языки, ремесла и народы, в этом местном вавилончике. Какой здесь был небывалый и ни с чем не сравнимый водоворот языка — филологический цветок, клубок наречий, неповторимый, невозстановимый. Дialect жив, пока на нем говорят. На нем говорят, пока есть с кем, пока — вместе. Теперь этого языка уже нет, он расселен с удобствами. Странно было представлять себе это: сносимый бульдозерами пласт человеческой речи, соскобленный языковой слой. Я не поднимался на уровень лошади, зато ее я хорошо видел: спотыкаясь на этой свалке, где город будет и саду цвести, оглядываясь, я все видел занесенным над собой ее

победное копыто. Эта кобыла уникальна по архитектурному тщеславию: для того чтобы она соседствовала с украшением, господствовавшим веками над городом, потребовалось «подорвать» (подорвать) утес, на котором стоял монастырь, потому что места для лошади на отвесной линии не было. Но тот, кто, столь на зависть скульптору, выбрал именно это место, видел именно эту линию утеса и из нее вырастил вверх свое сооружение, как прививают культурную ветвь к дичку. И она прижилась. Вот этой-то суммарной линии монастыря и утеса вы больше никогда не увидите: там стоит лошадь, причем стоит нарочито на луче взгляда, так, что всегда постарается заслонить храм своим тяжким крупом от вашего взгляда снизу вверх.

В эту цельную глыбу города, в это живое тело вогнано три точных клина, как в старинной рабьей каменоломне. Трещины эти ширятся по ночам. Скоро уже, скоро город развалится на три части, треснет на дольки, а каждую дольку уже нетрудно будет быстро раздробить мелкими клинышками.

Все это благоразумно и целесообразно, хотя иногда и, как

кобыла, неэкономно. Но что-то неразумно ноет в душе: дайте дожить! Живое же... – пусть живет. Скоро, скоро умрет само.

Есть в этом городе, есть и в людях вот что: он живет, а не выживает, они как бы не упорны. Выжить можно лишь в новом качестве, а прежнее качество – это ваша душа, а другой у вас нет. Верность обрекается на умирание, измена – на жизнь. И раз люди иначе жить не могут – они исчезнут, они не выстоят внутри поменявшихся значений, ибо не захотят их поменять. Может показаться: по лености, по нежизнестойкости. Но какая же это стойкость: вымереть таким, каким ты рожден! Они кичатся перед соседями, трагически распыленными по миру, но всюду выживающими, что у них нет эмиграции, что они нигде больше жить не могут. Они нигде жить не могут, но и здесь их становится все меньше. Ибо то, что не захочет себе изменить, вымрет. Поглубеет кровь, и не свернется, и вытечет по капле из легких царапинок, почти случайно нанесенных...

Кто мне объяснит, куда подевались все этажерки? Какому объяснению я поверю?.. Если даже от блокады у нас в

доме уцелела бамбуковая этажерка, по-видимому, потому, что всем было очевидно, что тепла она даст, вспыхнув и тут же прогорев, не больше, чем спичка... если она даже блокаду пережила, то куда потом подевался ее бесплотный желтый скелетик, оставив во мне на всю жизнь свое поскрипывание и шаткость, когда я вытирал с нее порученную мне пыль?.. Кому однажды надоело эту пыль вытирать, кто не вытерпел, что на нее нечего положить, и что же все-таки клали на этажерки в то, этажерочное время? И если никого не удивляла необходимость вытирать с нее пыль в течение десятков лет, то на какое утро вдруг это стало так раздражать? В какой миг мы сообразили, что если бы ее всю жизнь не вытирать, да перемножить время вытирания на число тряпок, то получится сервант? Куда мы так заспешили, что стали, чертыхаясь на бегу, зацеплять карманами за ее нелепые полочки и палочки? Когда будильники наши нервно затикали, отменив мерный ход почти неподвижного маятника, не торопившего стрелки? Когда я заменил визиты на письма, письма на открытки, открытки

на телефонные звонки, а телефон отключил? И почему сейчас я с умилением вспоминаю эту глупую этажерку, когда даже мне очевидно, что этажерка на самом деле необычайно неудобная, нелепая, никчемная вещь, не только утратившая, но и не имевшая назначения?.. Что за слезы на свалке?! Не унывай, не стоит.

Так мне скажут...

Выживет – живое, слабое – отомрет. Что за странная страсть к обреченному? Будто если что-нибудь хорошо, то обречено, а все, что обречено, – хорошо. Это не так. Не стоит. Нечего.

А – жаль.

Здесь можно жить, здесь живете не вы. Здесь приживется даже злой, угрюмо, никому не делая зла. Здесь – оседают.

...Как будто вы уже жили однажды... Такое мирное и любовное узнавание во всем, словно вам еще раз и ненадолго разрешили посетить... И вы пришли на службу, на которой служили когда-то, переложили официальную бумажку с места на место, сдули пыль со стола, подозвали кого-нибудь к телефону: «Одну минуточку...» День прошел. Домой... Встре-

тили приятеля старого, он вас вспомнил, обнял, трепетно хлопал по крылу, вам по пути... выпили стаканчик-другой, еще кое-кем из друзей обросли, еще куда-то пошли, где именно всех вас вместе «очень ждали»... а вдруг рассыпались куда-то друзья, осыпались, как листья, и вы один – по вздымающейся улочке, по искрящимся камням, по которым уже не цокают копыта и фаэтон не катит навстречу – последняя искра остыла единственной звездой. Ветер повеет то теплом из застоявшегося переулка, то свежестью холмов. Еще за угол – и ваш дом... В руках у вас огромный бумажный кулек, как букет роз, в нем пряники, и макароны, и два граната сверху, – нельзя пустым прийти в дом... но кто же знал, что вы домой вернетесь: ни сеточки, ни кошелочки, ни той авоськи, которые расходятся отсюда по всей необъятной стране, у вас опять не оказалось. Неудобно как-то мужчине – с кошелкой... Ступеньки на вашей лесенке какие-то громкие, дырявые... Да не лай ты, господи! Совсем старый дурак стал, не узналшь, родной... я же домой пришел... Одно и светится окно – твое... Жена тербит свою старушечью

косу... Посмотрит с нежным удовольствием – то ли ты уже десять лет дома не был, то ли опять, как вчера, домой не вернулся... Господи, эта женщина – женщина и есть: она так полагает, что ты ее муж, не надо ее расстраивать, она хорошая, наверное, женщина, думает, что она твоя жена, так считает, пусть считает... она думает, что ты живой... ну, глупая, конечно... зачем ужинать? Тебе ничего не надо, там, откуда ты вернулся, ничего не едят, уже покушал, спасибо... а теперь, обняв тюфяк, будто на крышу идешь спать, на звезду будто хочешь посмотреть, тихо-тихо уходи потихоньку навсегда, пока жена посапывает, и дочь посапывает, и сын выкрутил лампочку под одеялом... тихо-тихо, опрокидывая тазы и фикусы и путаясь в зарослях белья, через балкончик, по пожарной лестнице, туда, на чердак, где коричневый лук висит в коричневом окошке, отменяя живопись... уходишь вверх навсегда, пока не придется тебе завтра тащить сюда же неведомо откуда образовавшийся некрасивый, рассыпающийся кулек, прижимая его к растущему, однако, животу...

Вы уходите навсегда, вы

всегда возвращается.

Вы сворачиваете. Ах, девятнадцатый век был еще так недавно! В нем можно было случайно застрять и осесть. То есть я хотел сказать, что в этом городе хочется осесть. Но тут же вы понимаете, что это невозможно. Потому что не девятнадцатый век. То есть город – это так, да не про вас.

Как странно понимать, что это чье-то, не ваше дело... А вы-то так почувствовали, так полюбили, так поняли! А это – зависть.

Вы так бескорыстно, так всем сердцем восхищены, что на вас начинают смотреть косо, подозревать в задней мысли.

А какая – задняя, когда она впереди и вы гоните ее перед собой, боясь отстать. Ах, эта интернациональная пошлость – чувство стыда за дом родной...

Но ни в одной-то мысли вы себе не признаетесь, ни в одной... Вы так сумеете восхититься и полюбить все чужое, что не покажетесь себе захватчиком. Вы же не требуете такой же любви к своей родине, какую

источаете к чужой, и подлинность этого восхищения будет, по вашему мнению, искуплением более чем достаточным, потому что вы уже не отвечаете ни за род, ни за отечество, вы в нем не виноваты. Именно за это вы кажетесь себе достойным ответной любви. Тиражированный агент Империи выступает как мирносец, совершенно не чувствуя себя хозяином; он все приемлет по незадумчивости, по праву. Про него знают, что он собирает подать, – он один в скромном неведении на этот счет. Он позволяет хозяевам, как бы стесняясь и только чтобы не нарушить обычай и их не обидеть, произнести за себя тост и заплатить за стол.

Выплюньте кусок невинного барашка, оторвите лишние годы от коньяка, скажите, кто вы такой, в конце концов, нарушьте неправильно понятый вами обычай – пусть вас побьют... Отойдите от гостеприимного стола, размазывая несправедливые слезы по своему лицу, как чужие... Вы сворачиваете.

Вы сворачиваете, перепла-

тив втрое за разбавленное пиво и отравленные вокзальные манты, вы совершенно один, девушки на вас не смотрят, бритва перестала брать щетину, обувь трет, и кислая резь в животе. Вы сворачиваете.

И вы счастливы... Улица поблескивает неровным булыжником, вздымается вверх и вправо, и, сквозь теплый черный воздух, загорается в конце этой улицы одна звезда.

Там кончается город, верхние погашены этажи его – горы, утром они первые зарозовеют.

Как светло в этих потемках!

Что за незадумчивая власть врожденного образа... Будто человек, родившись, раз и навсегда отпечатал первое впечатление на младенческой сетчатке, оттого именно такой потом выткет ковер, именно так построит дом, именно такую выкует решетку, именно такой получит кладбищенский крест. Эта цельность натянута в вашей душе и поет как струна: вы слышите родную песню, и слова ее – это вы.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

2018-2019

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის
სახელმწიფო აკადემიური რუსული
დრამატული თეატრი

სეზონი **173** სეზონი

სახალწლო ანდადეგების
ღეგებში

დეკემბერი

28 პარ. 12.00; 15.00

ა. ლინდგრენი

კარლსონის თავგადასავალი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად
დიდი დარბაზი

29 შაბ. 12.00; 15.00

პ.-ქ. ანდერსენი

ფრთხი ნამცვანისთვის

მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად
დიდი დარბაზი

30 კვ. 12.00; 15.00

**პრემიერა
ბურატინო**

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად
დიდი დარბაზი

იანვარი

2 ოთხ., 3 ხუთ., 4 პარ., 9 ოთხშ. 12.00; 15.00

**პრემიერა
ბურატინო**

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად
დიდი დარბაზი

5 შაბ., 6 კვ. 12.00; 15.00

მაუგლი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად
დიდი დარბაზი

7 ორშ., 8 სამშ. 12.00; 15.00

სამოგაო ზღაპარი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად
დიდი დარბაზი

10 ოთხ. 11 ხუთ. 12.00; 15.00

მოროვკო

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად
მცირე დარბაზი

12 შაბ. 12.00; 15.00

ა. პუშკინი

ზღაპარი სალთან მეფეზე

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად
მცირე დარბაზი

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი
კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი
ცნობები ტელეფონებზე: 2 93-11-06, 2 93-43-36

2018-2019

Тбилисский государственный
академический русский драматический
театр им. А.С. Грибоедова

В ДНИ НОВОГОДНИХ
КАНИКУЛ

ДЕКАБРЬ

28 Пт. 12.00; 15.00

А. Линдгрэн

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА

Музыкальное представление в одном действии
Большой зал

29 Сб. 12.00; 15.00

Г.Х. Андерсен

КРЫЛЬЯ ДЛЯ ДЮЙМОВЧКИ

Музыкальная сказка в одном действии
Большой зал

30 Вс. 12.00; 15.00

**ПРЕМЬЕРА
БУРАТИНО**

Музыкальное представление в одном действии
Большой зал

ЯНВАРЬ

2 Ср., 3 Чт., 4 Пт., 9 Ср. 12.00; 15.00

**ПРЕМЬЕРА
БУРАТИНО**

Музыкальное представление в одном действии
Большой зал

5 Сб. 6 Вс. 12.00; 15.00

Р. Киллинг

МАУГЛИ

Музыкальное представление в одном действии
Большой зал

7 Пн., 8 Вс. 12.00; 15.00

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

Музыкальное представление в одном действии
Большой зал

10 Чт. 11 Пт. 12.00; 15.00

МОРОЗКО

Музыкальное представление в одном действии
Малый зал

12 Сб. 12.00; 15.00

А. Пушкин

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

Музыкальное представление в одном действии
Малый зал

Художественный руководитель театра
Авთანდილ Варсამაშვილი
лауреат Государственной премии Грузии
лауреат премии им. Котэ Марджанишвили
Справки по телефонам: 2 93-11-06, 2 93-43-36